

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrso.ru>

№ 3(24). Ноябрь, 2022

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrso.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 3. 2022.

ФИЛОСОФИЯ

МАРКОВ Б. В., БОЧАРНИКОВ В. Н.	ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ	3 - 13
ВОЛКОВ А. В.	Эмоции и разум в научно-познавательной деятельности	14 - 27

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

СУВОРОВА И. М.	РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПЕРВОМ «ФИЛОСОФИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ» П. Я. ЧААДАЕВА*	28 - 33
----------------	--	---------

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ГАВРИКОВ А. В.	ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ПРОТЕСТА 2017-2020 ГОДОВ (ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	34 - 43
ИЛЬИН А. Ю., РОЖНЕВА С. С.	МОЛОДЕЖЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ*	44 - 70
АНАНЬИНА А. В.	ПРОБЛЕМА АНОНИМНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ СРЕДЕ	71 - 76

УДК 911.3:913+140.8

ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ

**МАРКОВ
БОРИС
ВАСИЛЬЕВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философской антропологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии,
Санкт-Петербург, Российская федерация,
bmarkov@mail.ru*

**БОЧАРНИКОВ
ВЛАДИМИР
НИКОЛАЕВИЧ**

*доктор биологических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории экологии и
охраны животных,
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
Владивосток, Российская Федерация,
vbocharnikov@mail.ru*

Ключевые слова:

экологическая цивилизация
человек
познание
духовный мир
деятельность
философская антропология
сознание

Аннотация:

В сообщении выдвигается тезис, что способность человека преобразовать естественную среду обитания – основа цивилизации, её энергетическая составляющая. Цивилизация выполняет функциональную роль универсального средства реализации культуры в конкретных исторических условиях. Культура – субстанция духовности, в ней – квинтэссенция опыта человечества, обеспечивающего ориентирование человека в мире. Способность к труду, изготовление инструментов, развитие техники, с одной стороны, использовались для освоения внешней реальности, а с другой стороны, благодаря дистанцированию от непосредственного контакта с ней, обуславливали формирование внутреннего духовного мира. Современный тип индивидуальности характеризуется стремлением к самостоятельному определению жизненных позиций, а также ориентацией на свободный интеллектуальный поиск, на плюрализм и многообразие культурных ценностей. Антропоцентрический подход рассматривает цивилизацию как множество вариантов освоения человеком внешнего мира, определяет её как совокупность социокультурных и научных достижений человечества. То, что называется социальной реальностью, соткано не только из различных событий, которые производятся в практиках, но и присутствует в виде своего рода опознавательных механизмов, разделяющих людей в соответствии с социокультурными различиями. Индивидуальное «Я», воплощающее внутренние аспекты бытия в противовес внешним, представлявшее собой «перевернутый» образ реальности, заново создает как центр, так и среду жизнеобитания, что и предопределяет структуру особого целого, называемого экологической цивилизацией.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 02 ноября 2022 года

Опубликована: 03 ноября 2022 года

Введение.

Человек живет в рамках системы «общество-природа», но при этом постоянно стремится выйти за ее пределы. Его отличительной чертой является рациональное, цивилизационное сознание, сформировавшееся на основе общественно-трудовой деятельности. Важным элементом является идеологическая и морально-нравственная составляющая сознания. Культура и традиции, идеи и убеждения, ценности и желания, искусственное и очеловеченное формируют ментальную матрицу человека.

Абсолютная истина – знание, которое не опровергается последующим развитием науки, а обогащается и подтверждается на практике. Понимание – это поиск смысла: понять можно только то, что имеет смысл. Уже достижения античности подтверждают, что Вселенная человека – это совокупность отдельных феноменов, а их единство и целостность [11]. Индивид как «клетка», «молекула» цивилизации сопоставляет события собственной жизни с явлениями природы, стремится опредметить внутреннюю реальность, с помощью мифа, религии или науки придать смысл конкретным событиям. Кризис сначала классической, а затем постнеклассической науки, убеждает в том, что многообразие мира выражено ныне множеством человеческих проекций [4]. Разум, потребление и распределение – триединство общественного фокуса постиндустриальной цивилизации. Современный социум существует в медийном пространстве человеческих желаний, производством которых и занимается современная экономика.

Цивилизация – это многосторонний и разноуровневый процесс, включающий конкретные этапы или ступени общественного развития, диалектически рассматриваемые как исторические формации прогресса человечества (Ф. Энгельс). Современное понятие «цивилизация» сформировалось в новоевропейской истории с западных позиций, и входит в набор концептов наиболее известных исследовательских подходов к реконструкции всемирной истории. Л. Февр обозначал цивилизацию как равнодействующую сил материальных и духовных, интеллектуальных и религиозных, воздействующих в данный отрезок времени в данной стране на сознание людей, что дает широкую возможность ее толкования от конкретного социально-культурного феномена до всечеловеческой системы [7].

Цивилизация как философский термин был актуализирован в эпоху Просвещения. В тот период Европу сотрясали такие общественные трансформации, как французская революция, зарождение английской буржуазии и капитализма, становление международного рынка товаров и услуг, что сопровождалось кристаллизацией новых смыслов идеалов веры, добра, красоты, справедливости, славы, чести. В линейной перспективе эти изменения намечают вектор поступательного движения истории – от первобытного варварства и присваивающегося хозяйства к появлению техники и «аутопозитивному» утверждению человеческой субъективности, к преодолению бессознательных табу и традиционных запретов, к переходу к гетерогенной социальной организации [19].

В генеральном смысле европейская культура определяется как способ преобразования природы для удовлетворения потребностей человека, в общественном же аспекте подчеркивается её цивилизационное свойство – нормирование социальной деятельности и самоконтроль индивидуальной активности, свободы и творчества. В китайской философской традиции в качестве культовой практики выступает Дао – путь, ведущий к единству внутреннего и внешнего мира [2]. Человек, будучи существом многогранным, но в то же время целостным, является символом Вселенной и ключом к её познанию. Феномен человеческого детерминирован мотивационно и ценностно. Ключевым моментом для Сократа, как и для всей античной и последующей философии, стал переход от натурфилософии к моральной философии, когда человек был провозглашен и реально сделан главным предметом философии.

Кризис Европы вынуждал не только критиковать её идейные установки, но и обратить внимание на Восток. По Шопенгауэру, драйвером выживания Европы выступает не созерцание, а воля. Однако её «фаустовский дух» создает цивилизацию, в то время как Восток озабочен развитием внутренней духовной культуры. Цивилизацию и культуру одни авторы считают синонимами (Н.Л. Данилевский, З. Фрейд, В.О. Ключевский), а другие – принципиально разными понятиями (И. Кант, О. Шпенглер, Ш. Фурье, Н.А. Бердяев). Нынешняя Интернет-цивилизация, отвергает прежнее различие, однако, что приходит ему на смену пока определенно сказать никто не в состоянии; Очевидно, что информация – это не материальное и не духовное. Но как определить существо человека, вплетенного во всемирную паутину, как деформируется его природа в эпоху автоматов и цифровых двойников?

Методология исследования.

Размышления философов и футурологов современности показывают, что будущее традиционного

человека, потонувшего в мире информационного избытка, находится под угрозой, [18, 22]. Наука творчески и всеохватно преобразует действительность, и при этом превращается в инструмент самопознания. В результате объектом рефлексии становится сам человек как существо, способное создавать свой внутренний мир и делать его объектом своего познания [10]. Стремление изучать объекты реального мира и на этой основе предвидеть результаты его практического преобразования свойственно как науке, так и обыденному познанию, которое вплетено в практику и развивается на ее основе. Любое исследование возможностей и определение границ человеческого познания в современной проблемной постановке предполагает обращение к учению И. Канта. Немецкий философ обосновал систему взглядов, согласно которой, возможности человеческого познания определяются не миром, окружающим человека, а прежде всего возможностями, ограничениями и способностями человеческого восприятия [1:153].

Логика, опыт и инструментальное знание, сформировавшиеся в эпоху индустриализации и колонизации, выступают, скорее, средством рационального объяснения и легитимации экономической и политической установки, чем поддерживают культурные и природные ценности [9]. В информационном обществе возникли новые проблемы, которые также требуют изменения мировоззренческих установок, формирования, разработки иной, чем прежде, антропологической парадигмы. Современную цивилизацию можно назвать техногенной, ведь по мере ее развития человечество структурирует свою жизнь посредством пользования искусственными устройствами. Субъект постнеклассической науки влияет на содержание знания об объекте не только в силу применения особых исследовательских средств и процедур, но и в силу своих ценностно-целевых установок [10].

Образ человека – это совокупность всех проявлений, и прежде всего, со стороны окружающих его людей, действующих в соответствии с социальными нормами поведения. В XXI в. начался процесс формирования новой социальной реальности – «сетевого общества» в терминологии М. Кастельса [12,13]. Общественные феномены отражаются в сознании каждого индивидуума через призму его личных взглядов, ценностей, убеждений, а также представлений о мире, лежащих в основе его личности. Отправной точкой постгуманистического подхода является замена бинарного различия «природа и общество» континуумом «природа – культура», что приводит к трем основным траекториям преобразования структур субъективности: отношения с животным, землей и машиной [5:130]. Сейчас можно наблюдать увеличение стохастических процессов и доминирование неуправляемых стихий, задающих неравновесное состояние сверхсложных систем.

Человек – это не просто физическое тело, но ещё и духовное существо. В основе человеческой культуры лежит накопленный многими поколениями исторический опыт. Но для того, чтобы человек был уверен, что опыт, приобретенный «здесь и сейчас», может эффективно использоваться в другое время, в другом месте и, более того, другими людьми, совершенно необходимо представить мир как суверенную упорядоченную систему, законы которой действуют независимо от человеческих желаний. Все, что не соответствует материальному, не существует в физическом пространстве и времени, познается как феноменальное. Менталитет, как нематериальное явление культуры, иногда отождествляют с понятием «культурный код», поэтому сама возможность развития символической стороны ментальности и связанных с нею культурных форм, таких как, например, наука и философия, определяется наличием языка.

Абсолют – это единое и целое. При этом нельзя забывать о безмерности еще непознанного, об относительности человеческого знания. Ум (Нус) провозглашенный Анаксагором верховной причиной всего, это – абсолют, сообщающий миру порядок [2:95]. Если у греков логос присутствует и природе и в человеке, то в эпоху Нового времени разум определяется как чисто человеческая способность. Отсюда интенсивные поиски критериев значения теоретических конструкций. Поскольку эмпирическая проверяемость неосуществима относительно теоретических понятий естественных и, тем более, гуманитарных наук, постольку философское обоснование фундаментальных предпосылок разума, как главного орудия познания, обращается к культурному опыту человечества. В частности, выдвигается теория типов и идея хронотопа (М. Вебер, М. Бахтин), которые складываются каждый раз как уникальные сочетания факторов исторического процесса в рамках определённого пространства (территории), где формируются паттерны, задающие соотношение частей и их взаимосвязь с целым, понимаемым как цивилизация.

Появление новых вызовов, связанных с диалектикой глобализации, подводит человека к переосмыслению прежних парадигм, но что приходит им на смену? Благодаря языку машин, человек может моделировать и в перспективе изменять реальные процессы, до поры до времени, не вмешиваясь в их течение, имея дело с их моделями в форме текстов, логических формул, чертежей, математических

расчетов и т.п. Вместе с тем, компьютерные онтологии в своей основе включают машинно-читаемые определения основных понятий предметной области и отношения между ними. Семантическая сеть – это прообраз будущей единой сети, в которой значение придается лишь точности и достаточности информации, что обеспечивает автоматическую обработку и интеграцию информации машинами [15].

В результате информационной революции, во второй половине двадцатого века сложилось постиндустриальное общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно её высшей формы – знаний. Ещё в начале XX в. это было замечено В.И. Вернадским, который предложил концепцию «ноосферы». Можно напомнить также о популярной теории «третьего мира» К. Поппера. Наука открыла возможности планирования и достижения хорошего будущего, способствовала обогащению всемирной культуры, повышению народного благосостояния. Вместе с тем, способствуя переходу от варварства к цивилизации, наука оказалась средством превращения природы в сырье для производства товаров. Поэтому развитие интеллектуальной культуры пошло не по сценарию философов. В известном докладе о состоянии знания в рыночном обществе Ф. Лиотар отметил, что оно становится товаром, который играет важную роль в мировом соперничестве за власть. Коммерциализация науки и образования, несмотря на видимые экономические преимущества, нанесла ущерб их цивилизационному имиджу. Если раньше люди гордились и восхищались научными открытиями, так как не сомневались в том, что они способствуют процветанию человеческого рода, то сегодня в общественном мнении наука, как форма производства символического капитала, попала под подозрение.

Цивилизационное мировоззрение и персональная реальность.

Культура – исключительно многозначный термин, насчитывающий множество определений. Культурный код, представляющий собой зашифрованную в определенной форме информацию, выступает отдельным элементом структуры ментальности, облегчающим понимание механизма преобразования значения в смысл [6]. Цивилизация и культура в терминологической лексике имеют близкое значение, выраженное на разных языках, но рассматриваются теоретиками культуры как две принципиально различные формы социальной жизни. Если европейскую цивилизацию сравнивают с механизмом, то организмическая теория культуры возвращается к идее существования локальных цивилизаций как «пульсирующего организма» или клетки (А. Галактионов), как разномоментно, но по «осевому времени (К. Ясперс) существующих цивилизационных очагов, сохраняющих поляризацию центра и периферии в форме диффузного воздействия мягкой и жёсткой силы в международных отношениях (геополитика). В таком понимании чаще всего указывается социальная, антропологическая и культурная стороны появления и развития информационной цивилизации. Поэтому весьма затруднительно осуществить рефлексию нынешней роли природного фактора в рамках цивилизационной парадигмы. Очевидно, что старый номос земли с его различием суши и моря, леса и степи ушел в прошлое. С одной стороны теоретики цивилизации отмечают опасность доминирования материальной, утилитарно-технологической общественной стороны над духовной, с другой стороны, столь же часто рассматривают человеческую общность в политическом и экономическом аспекте, сохраняя прежний «имперский» формат гегемонистских устремлений и господства цивилизации над силами природы.

Информационно-коммуникативные технологии, обеспечивая невиданные прежде возможности практически мгновенного распространения огромных объемов информации, создают единую коммуникативную сеть, взаимодействующую с экономической, политической, социальной сферами и способную породить собственные «виртуальные» объекты, наделенные свойством принимать видимость реальных объектов. Точно также опосредованная компьютерными сетями социальная коммуникация порождает бесконечное множество виртуальных сообществ, дифференцирующихся относительно друг друга в зависимости от персональных вкусов и настроений их членов.

Глобальная сетевая структура нуждается в универсальном языке, позволяющем интегрировать в планетарном масштабе социальных и экономических субъектов. Новые формы коммуникации, рост их эффективности отвечает требованиям сетевого общества в мгновенном и однозначном обмене информационными потоками. Б. Уорф считал, что система языка, на котором говорят люди, влияет на формировании картины мира, а ментальные образы одного и того же явления не одинаковы у представителей различных языковых групп [20]. В культурах доисторического периода преобладало чувственное, телесное восприятие мира, не исключая участие материального и духовного, однако формирующее синкретическое мышление. Современный язык задает другую культурную призму восприятия искусственного и естественного, возникшую на основе промышленных способов природопользования.

Российские историки (В.О. Ключевский, Н.Я. Данилевский) не противопоставляли цивилизацию и культуру. Философы Н.А. Бердяев, И. Кант, Ш. Фурье, О. Шпенглер разводили эти понятия, формируя при этом оригинальные критерии различия цивилизационного и культурного. Социологи выделяют в истории общества особый хронотоп – уникальное сочетание факторов исторического процесса в рамках длительного определенного пространственно-временного континуума, что позволяет построить иерархическую схему социальных ареалов (В.И. Ильин). Существо цивилизации определяется на основе рассмотрения таких результатов и процессов, где драйвером становится стремление к комфорту.

Цивилизация может быть тесно сопряжена с понятием «государство» - одним (цивилизация-государство) или несколькими, объединяемыми системными взаимодействиями в экономике, политике, культуре. Вместе с тем глобализация сопровождается ренессансом этнического и географического факторов, а также поисками национальной идеологии, возрождением традиционных нравственных норм, религиозных верований и других идентификационных паттернов. Цивилизация, как заключительная общественная стадия прогресса, представляет собой новый гетерогенный тип организации жизни людей. К сожалению, отказ от европоцентристского, имперского понимания цивилизации в пользу множества существующих и даже возможных способов объединения людей не способствовал признанию их равноправия.

Философские и религиозные системы, а также мифологии создавали сложные картины Универсума, где нормативно-правовыми инструментами четко определялись и закреплялись различия людей (сословия, кланы, элиты и т.п.), обозначаемые как престиж, мода, статус и т.д. Цивилизация в таком варианте предстает как особый социальный порядок (Э. Дюркгейм) и/или социальная идентичность (Хантингтон). Следующим крупным культурным этапом был длительный период человеческого обособления и отстранения от природного, развитие индивидуальной личностной идентичности и соответствующей дифференциации коллективной и индивидуальной психики. Последствием этого является восприятие будущего в эсхатологической версии, где среди общественных идеалов отсутствуют вера, любовь, надежда, добро, красота, Инфляцию переживают и такие общественные добродетели как – авторитет, слава, почет и т.п. Сети задают новую структуру обществ, включенность в них становится формой жизни и одновременно важнейшим источником власти.

Виртуальное и реальное пространство бытия человека.

Смыслообразующие элементы культуры выявляет инструментарий современной философской герменевтики, исследующей проблематику понимания языка [1:156-163]. В его лексическом словаре отражены важнейшие этапы классификации мира. В Античности описание символического пространства опиралось на понятие освоенного пространства, которое получило название Ойкумена [3]. Природа каждой вещи определяется местом в естественном ареале человеческого бытия. Для «реализма» Средних веков было характерно «отождествление реальности с субстанциональностью» [16: 824], В культуре Нового времени термин реальность (от лат. *realis* – ‘вещественность’, ср.-лат. *res* – ‘вещь’) по мере развития мысли понимался как обозначение предмета опытного познания.

Язык как медиум культурной памяти и средство социализации индивидов претерпевает революционные изменения в процессе становления информационного общества. Первобытным людям казалось, что вся природа одушевлена, наполнена невидимыми добрыми или злыми духами, которые воздействует на жизнь и природопользование. На заре развития человеческой цивилизации люди довольствовались преимущественно присвоением готовых продуктов. Общество находилось в зависимости от внешней среды, люди использовали природные материалы для приготовления пищи, одежду и жилище. Цивилизация, в античности воспринимаемая как постепенное освобождение от природы, а европейской истории становится технологией господства человека над природой.

Феноменология, герменевтика, эпистемология, аналитическая философия, сходны в понимании единства рациональности и цивилизации. Стоит ли удивляться, что точка зрения коэволюционизма ныне стала основой понимания прогресса. Провозглашается установка на обеспечение жизнедеятельности искусственными продуктами, удовлетворяющими не только естественные потребности, но и всё более утонченными желаниями. Время от времени, и раньше обеспеченная, скужающая или пресыщенная часть общества объединялась под лозунгом «назад к природе», но это не имеет ничего общего с естественным единством. Пионеры этого движения Ж.-Ж. Руссо и Г.-Д. Торо, по сути, грезил об интеллектуальном пикнике на лоне природы. Ситуация изменилась во второй половине XX века, когда стала отчетливо осознаваться опасность техногенной нагрузки на природу. Однако «зеленые движения» быстро коммерциализировались или превратились в политические партии и практически немного сделали для сохранения природы. Точно также предприниматели,

рекламирующие безопасность своих предприятий и продуктов, на деле ограничивались полумерами, которые были неэффективными, часто сберегали одни ресурсы за счет увеличения расхода других.

В этой связи остается надеяться на создание технологий искусственного производства того, что природа дает даром. Сегодня весьма выгодным рыночным товаром стала чистая вода, чистый воздух. К сожалению, генномодифицированные продукты питания внушают серьезные опасения, а возможности «молекулярной кухни» остаются весьма сомнительными. Сущность цивилизационного процесса предопределяется победой «машин», алгоритмы которых задают стиль мышления и нормы поведения людей. Современный человек все больше заменяет живое общение с другими людьми и природой их искусственными, «цифровыми» двойниками.

Каков же в таком случае критерий истины? Люди в силу своей принадлежности к виду *Homo sapiens* примерно одинаково воспринимают явления и процессы той среды, в которой они живут. Распространение информационно-коммуникативных технологий и возрастающая их доступность все более широким слоям населения, приводят к «виртуализации» социальных контактов, к «технологизации» поведения социальных субъектов, к искусственному созданию социальных общностей и управлению ими в рамках т.н. «социальных технологий». Процесс развития науки раньше представлялся в виде ряда последовательных приближений к абсолютной истине, каждое из которых точнее, чем предыдущие. Сегодня речь идет о множественности индивидуальных представлений о судьбах человечества, происходит эсхатологическая дифференциация человеческой миссии на планете. Критика техноцивилизационного проекта многосторонняя: указывается на расплывчатость формулировок и в то же время на неопределенность критериев цивилизации; недостаточно четко обосновывается выбор ее идентификационных признаков и характерных свойств. Отсюда многообразие и противоречивость представлений о том, в чем заключается специфика и сущность цивилизационного процесса.

Языки описания цивилизационного процесса в этнологии и культурологии, географии и биологии, физиологии и филологии, социологии и психологии, антропологии и теологии характеризуют качественно различные модальности исторического процесса. Поэтому задача состоит в разработке трансдисциплинарной методологии исследования конкретного культурно-географического региона. Развитие культуры не сводится к производству идей в философских дискуссиях. Решающую роль в деструкции пространственных кодов традиционного общества выполнил капитализм. Земля стала товаром, ценность которого зависит не от сакрально-символического восприятия места обитания, а от наличия ресурсов для развития промышленности. Возникновение транснациональных корпораций также обесценило экзистенциальную уникальность территории. Сегодня в любой точке земного шара можно обнаружить высокотехнологические предприятия. Особую угрозу создает индустриализация сельского хозяйства, в результате которой исчезает не только община, но и сам крестьянин, как особый социокультурный тип человека. Существуют и другие антропологические риски и угрозы, осознание которых приводит к поискам восстановления и сохранения единства природного и социального в постиндустриальных обществах. Капитализм сломал традиционные коды земли, что привело к детерриторизации. Сегодня это отчетливо видно на примере глобализации. Нет никаких сакральных мест. Все на продажу. При капитализме освоение природы превращено в производство товаров. Нарастает эксплуатация не только человека, превращенного в рабочую силу, но и природы, используемой для удовлетворения искусственных потребностей людей, конструируемых рынком товаров.

Измеряя влияние человечества на природную среду, можно выделить угрозы, возникшие в эпоху антропоцена, и это можно выразить в цифрах. Речь идет о климате, о биоразнообразии, о состоянии морей и океанов, об истощении озонового слоя, окислении океанов, загрязнении почв химическими веществами, об использовании аэрозолей, а также о внедрении в экосистемы новых материалов (в том числе пластмасс). Среди других последствий антропоцена нужно учитывать массовое вымирание флоры и фауны (если сохранится нынешняя тенденция, то 75% видов исчезнут в течение ближайших столетий); увеличение содержания углекислого газа в атмосфере наиболее быстрыми темпами за последние 66 млн. лет, удвоение количества азота и фосфора в почве за последнее столетие (предположительно, самое значительное изменение в азотном цикле за последние 2,5 млрд. лет), появление постоянного слоя твердых осадков из воздуха (сажа) в ледниковых льдах. Рост населения и увеличивающийся спрос на продовольствие, волокно и топливо ускорили темпы уничтожения лесов; за последние 10 лет среднегодовое сокращение площади лесов достигло примерно 5,2 миллионов гектаров. Не требует доказательства, что жизнь человека на планете обеспечивают растения, образующие биологическое царство. Если условия жизни на планете Земля определяют растения, то это

приводит к группе дисциплин, изучающих растения, множественно дифференцированных по предмету исследований. Растения наделены жизнью, т.к. могут расти, разрушаться в противоположных пространственных направлениях, способны принимать пищу. Самые высокоорганизованные виды растений – это деревья. Ориентируясь на тенденции изменения и состояние лесов, можно предсказать, что произойдет в мире. По данным ФАО, в течение 5000 лет суммарная потеря площади лесов в мире, по оценкам, составляет 1,8 миллиардов гектаров, средняя чистая потеря лесных земель составляет 360000 гектаров в год.

В такой ситуации трудно принимать взвешенное решение, Техногенные катастрофы подобно акциям террористов сеют панику среди населения, а политики вводят режим повышенной опасности или даже объявляют чрезвычайное положение. Репортажи о пожарах и наводнениях, и особенно о числе заболевших во время пандемии сильно напоминают сводки с театра военных действий. Базисные метафоры войны и мира, с одной стороны, не вызывают сомнений, а, с другой стороны, в современных условиях приводят к серьезным затруднениям. Согласно правовым определениям, мир – это состояние, когда нет войны, и наоборот. Если использовать эти понятия для описания отношений человека с природой, то возникает та же двойственность. С одной стороны, человечество покоряет природу, а, с другой стороны, заботится о её сохранении. Найти выход из этой дилеммы пока не удастся. Очевидно, что современные технологии присвоения и преобразования ресурсов рано или поздно приведут к истощению природы. Попытки снижать уровень потребления тоже пока не дают результатов. В этой связи целесообразно обратиться к опыту выживания наших предков, которые создавали и жили, хотя и не в слишком комфортабельных, но в безотходных контейнерах, и не наносили окружающей природе непоправимого ущерба.

Модификация номоса земли несомненна. Активисты экологических движений не искушены в философии и не замечают политических, финансовых и иных предпосылок, определяющих взаимоотношения общества и природы. На примере движения «зеленых», видно, насколько опосредованной оказывается их политика, построенная на простом и доходчивом тезисе спасения природы. Она явно определяется торгово-экономическими интересами крупных корпораций, ищущих новые источники прибыли и ограничивает развитие стран третьего мира. Те, кто не использует энергосберегающие технологии, становятся изгоями. Свообразным полигоном является экологическая ситуация в России, где общая освоенность территории, оцениваемая в параметрах антропогенной нагруженности, в отличие от любого другого государства мира, составляет менее половины 48%. Для сравнения: дикой природы в Чехии – одна сотая процента, в Великобритании – 0,1%. Россия, как известно, обделена солнечным теплом, и находится в климатической зоне, которая малоблагоприятна для сельского хозяйства. Но у неё оказался внутренний источник тепла. Так что сегодня уже не столько леса, сколько нефтегазовые ресурсы задают коды земли. Поэтому необходимо скорректировать экологическое движение и энвайроментализм в целом с учетом изменения главной субстанции, определяющей кооперацию природы и общества.

Ландшафт, окружающая природа, начиная с детских лет, влияют на индивида не только через родной язык, но и через межэтнические и межъязыковые контакты людей, через их совместные производственные отношения, смешанные браки, переселение и вживание в иноязычную среду. Преобразование мира человеком, создание инструментов и технологий достижения цели, задает смысловую упорядоченность и обеспечивает создание универсального культурного пространства. Этот мир структурируется и поддерживается человечеством, не только инструментально-технологически. Философский подход в отличие от прагматично ориентированной науки оценивает цивилизацию «вертикальным», ценностными масштабами. Она предполагает имманентное освоение пространства человечеством, где высшим звеном социальной территориальности выступает дом, поселение, наконец, город как «машины» производства социального пространства и времени.

Коллективная миссия людей не сводится к биологическому и социальному воспроизводству, и реализуется в особом (присущем только людям) способе оперирования пространством, которое осуществляется за счет энергии жизни, эмоций и деятельности каждого из представителей племени человеческого. Цивилизация не является набором внешних институтов, правил, регламентаций, она представляет собой культурное пространство, которое меняется через все новое, производимое человеком, будь то поэма, картина или научная теория. Особое значение имеют сакральные коды, воплощенные в верованиях и ритуалах. Современная цивилизация на данном этапе отличается феноменом "схлопывания" экзистенциального пространства и времени, "переводом" социального вектора и персональной вовлеченности в виртуальный мир.

С естественнонаучных позиций можно объяснить распад былых этносов законами термодинамики,

и, в частности, накоплением энтропии. Суть же «космической задачи» составляет то, что в проекции пространства каждый этнос (или народ) обеспечивает относительно гармоничное поддержание конкретного пространства своей жизнедеятельности, или географически на конкретном участке территории Земли. Возникает сомнение, сохранилась ли роль этносов в мировой истории, существуют ли они сегодня, а если существуют, то в какой форме себя проявляют? Наконец, можно ли переносить представления этнологов и антропологов о доисторических этносах на современность? Если в прошлом этносы действительно были связаны с природными условиями, с экологическими нишами и ландшафтами, то в современном обществе они существуют как символические формы, наподобие мифов. Поиск идентичности, открытие «корней» – это скорее идеологический, а не естественно исторический продукт. В периоды кризисов актуализируются старые символы, сохранившиеся в памяти культуры. Вопрос в том, являются они признаками роста или упадка. Общество, в котором существует философия, способно критически оценивать само себя и изменяться, чтобы не погибнуть.

Заключение.

Цивилизационная ментальность – это человеческий способ бытия в мире, в основе которого лежат морально-нравственные ценности и ориентиры. Этот антропогенный код формируется в результате смыслового и этического взаимопонимания субъектов информационного общества. Системное изучение цивилизации позволяет выделить ряд подсистем: биосоциальная, экономическая, политическая, ментальная. Масштабные процессы социально-культурной трансформации, начавшиеся в последней трети XX века в ряде промышленно развитых обществ под воздействием информационных технологий, затронули все эти сферы. Социальные «сети», характеризуются высокой степенью связности элементов и возможностью обмена информацией между ними, они охватывают всю область человеческой деятельности, непосредственно формируют как личную жизнь индивидов, так и их групповую деятельность, но адекватны ли они сути человеческой? [17]. Ответом на такую угрозу в основном является требование корректирования и даже ограничения новых технологий, которые содержат моральные и антропологические риски. Однако моральные оценки тоже имеют негативные последствия, в частности, в форме ресентимента. Поэтому более разумным представляется поиск путей подсоединения «цифровых» и «аналоговых» технологий. Проект «экологической цивилизации», чтобы не остаться утопией, должна не призывать к архаичным способам землепользования, а раскрывать гуманные возможности цифровых технологий, которые могут способствовать выживанию людей в условиях обострения глобальных проблем, затрагивающих не только биосферу, но и человеческую культуру.

Список литературы

1. Алексеев А.П., Васильев Г.Г. и др. Краткий философский словарь. 2-е изд. М.: РГ-Пресс, 2015. 496 с.
2. Антология даосской философии / Сост. В.В. Малявин, Б.Б. Виноградский. М., 1994. 446 с.
3. Бочарников В.Н. Ценности в дикой природе для современного человека – новый актуальный фокус междисциплинарных исследований // Астраханский вестник экологического образования, № 2. 2021. С. 97-104.
4. Бочарников В.Н. Человек в реальности проекций. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2011. 332 с.
5. Брайдотти Р. Постчеловек. М., 2021. 404 с.
6. Букина Н.В. Культурные коды как элемент пространства культуры // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 14. С. 69-73.
7. Власов В.А. Эволюция понятия «Цивилизация» в историческом процессе в трудах некоторых исследователей: от Л. Февра до Ф. Энгельса // Вестник КрасГАУ. 2014. № 12. С. 281-285.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Москва: Прогресс, 1988. 704 с.
9. Гревцева А. А. Место и роль ценностей постмодернизма в «Культурной глобализации» // Вестник ОГУ. 2009. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-tsennostey-postmodernizma-v-kulturnoy-globalizatsii> (дата обращения: 18.12.2021).
10. Доброва С.И. Параллелизм мира природы и мира человека в свете философской теории познания // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 3. С. 307-311.

11. Захарова Л. М. Уровни сознания как выражение многогранной сущности человека // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 54. С. 3-8.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О.И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
13. Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель / пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. Москва: Логос, 2002. 219 с.
14. Кротов А. А. Архитектоника и доказательства (теория философии Марсиала Геру) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. № 3. С. 3-18.
15. Курилкина В.Н. Онтология информационного общества // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 5. С. 49-53.
16. Месяц С.В. Трансформация античного понимания абсолюта в христианском богословии IV в // Космос и Душа. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 823-858.
17. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета, 2008. Вып. 1. С. 107-110.
18. Попова О.В. Когнитивное улучшение человека: философский дискурс и трангуманистические импликации // Нейротехнологии и технонаука: феномен биотехноидентичности / сб. науч. ст. / под ред. Белялетдинова Р. Р. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2020. С.54-71.
19. Терин Д. Ф. «Цивилизация» против «Варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 24-47.
20. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып.1. Москва: Прогресс, 1960. С. 157-201.
21. Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек, 2005. № 6. С. 5-26.
22. Юдин Б.Г. О человеке, о его природе и его будущем Электронный ресурс: // <http://antropolog.ru/doc/persons/Yudin/chelovek> (дата обращения 14.03.2013).

REFERENCES

1. Alekseev A.P., Vasiliev G.G., etc. A short philosophical dictionary. 2nd ed. M.: RG-Press, 2015. 496 p. (In Russ.)
2. Anthology of Taoist philosophy / Comp. V.V. Malyavin, B.B. Vinogradsky. M., 1994. 446 p. (In Russ.)
3. Bocharnikov V.N. Values in the wild for modern man – a new topical focus of interdisciplinary research // Astrakhan Bulletin of Environmental Education, 2. 2021. pp. 97-104. (In Russ.)
4. Bocharnikov V.N. Man in the reality of projections. Vladivostok: Moscow State University, 2011. 332 p. (In Russ.)
5. Braidotti R. Posthuman. M., 2021. 404 p. (In Russ.)
6. Bukina N.V. Cultural codes as an element of cultural space // Bulletin of the Chita State University. 2008. No. 14. pp. 69-73. (In Russ.)
7. Vlasov V.A. The evolution of the concept of "Civilization" in the historical process in the works of some researchers: from L. Fevre to F. Engels // Bulletin of KrasGAU. 2014. No. 12. pp. 281-285. (In Russ.)
8. Gadamer H.-G. Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (In Russ.)
9. Grevtseva A. A. The place and role of postmodernism values in "Cultural globalization" // Bulletin of OSU. 2009. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-tsennostey-postmodernizma-v-kulturnoy-globalizatsii> (accessed: 12/18/2021). (In Russ.)
10. Dobrova S.I. Parallelism of the natural world and the human world in the light of the philosophical theory of cognition // Current directions of scientific research: from theory to practice. 2015. No. 3. pp. 307-311. (In Russ.)
11. Zakharova L. M. Levels of consciousness as an expression of the multifaceted essence of man // News of universities. The North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2006. No. 54. pp. 3-8. (In Russ.)
12. Castels M. The Information Age: Economy, society and culture / translated from English by O.I. Shkaratan. Moscow: Higher School of Economics, 2000. 608 p. (In Russ.)
13. Castels M., Himanen P. Information society and the welfare state: the Finnish model / translated from English by A. Kalinina, Yu. Podorogi. Moscow: Logos, 2002. 219 p. (In Russ.)
14. Krotov A. A. Architectonics and proofs (theory of philosophy by Marcial Heroux) // Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy. 2017. No. 3. pp. 3-18. (In Russ.)

15. Kurilkina V.N. Ontology of the information Society // Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov. 2014. Vol. 11. No. 5. pp. 49-53. (In Russ.)

16. Month S.V. Transformation of the ancient understanding of the absolute in Christian theology IV v // Cosmos and Soul. – M.: Progress-Tradition, 2005. – pp. 823-858. (In Russ.)

17. Obukhov K.N. Network as a social structure: a model of network communication in the theory of M. Castells // Bulletin of Udmurt University, 2008. Issue 1. pp. 107-110. (In Russ.)

18. Popova O.V. Cognitive improvement of a person: philosophical discourse and transhumanistic implications // Neurotechnology and technoscience: the phenomenon of biotechnoidentity / collection of scientific articles / ed. Belyaletdinova R. R. M.: Moscow University of the Humanities Publishing House, 2020. pp.54-71. (In Russ.)

19. Terin D. F. "Civilization" against "Barbarism": towards the historiography of the idea of European uniqueness // Sociological journal. 2003. No. 1. pp. 24-47. (In Russ.)

20. Wharf B. The relation of norms of behavior and thinking to language // New in linguistics. Issue 1. Moscow: Progress, 1960. pp. 157-201. (In Russ.)

21. Yudin B.G. Science and life in the context of modern technologies // Man, 2005. No. 6. pp. 5-26. (In Russ.)

22. Yudin B.G. About man, about his nature and his future Electronic resource: // <http://antropolog.ru/doc/persons/Yudin/chelovek> (date of application 14.03.2013). (In Russ.)

CIVILIZATION FROM THE ECOLOGICAL WORLDVIEW

**MARKOV
BORIS**

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophical
Anthropology,
Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy,
Saint Petersburg, Russian Federation, bmarkov@mail.ru*

**BOCHARNIKOV
VLADIMIR**

*PhD in Biology,
Leading Researcher of Laboratory of Ecology and Animal
Protection,
The Pacific Geographical Institute of the Far Eastern
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russian Federation, vbocharnikov@mail.ru*

Keywords:

ecological civilization
human being
cognition
spiritual world
activity
philosophical anthropology
consciousness

Summary:

The article puts forward the thesis that the ability of a person to transform the natural habitat is the basis of civilization and its energy component. Civilization performs the functional role of a universal means of implementing culture in specific historical conditions. Culture is the substance of spirituality and the quintessence of the mankind's experience, which helps the individual to navigate the world. The ability to work, the manufacture of tools, the development of technology, on the one hand, were used to master external reality and, on the other, determined the formation of the inner spiritual world due to distancing from direct contact with reality. The modern type of individuality is characterized by a desire for independent determination of life positions, as well as the orientation towards free intellectual search, pluralism and diversity of cultural values. The anthropocentric approach views civilization as a set of options for the exploration of the outside world by a person, defines it as a set of the mankind's socio-cultural and scientific achievements. What we call «social reality» is not only made up of various events produced through practices, but is also present in the form of certain identification mechanisms that distinguish people according to their sociocultural differences. The individual «I» embodying the internal aspects of being as opposed to the external ones and representing an «inverted» image of reality re-creates both the center and the environment of life, which predetermines the structure of a special whole called «ecological civilization».

УДК 165.12.

Эмоции и разум в научно-познавательной деятельности

**ВОЛКОВ
АЛЕКСЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**

*доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
philos@petrsu.ru*

Ключевые слова:

научное познание
человек
эмоции
рефлексия
чувства
язык
образ
метафора
тело

Аннотация:

Статья отражает одну из центральных тенденций современной эпистемологии – выявление человеческого измерения научного познания. В классической эпистемологии наука выступала как сугубо рациональное предприятие и «идеальным» ученым признавался холодный, бесстрастный исследователь. Выходя за рамки этих традиционных представлений, автор показывает, что чувственные состояния и эмоциональные реакции являются интегральной частью научно-познавательной деятельности как в плане инициации и поддержания исследовательского поиска, так и с точки зрения обоснования его результатов. Отдельное внимание уделяется тому факту, что использование в научном познании языка образов, метафор может отражать не только индивидуальные, личностные особенности субъекта познания (его творческое воображение, интуицию), но и особенности его эволюционной, социальной истории. В статье, таким образом, дается картина глубокой укорененности научно-познавательной деятельности в бытии и сознании ее творца – человека.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 02 ноября 2022 года

Опубликована: 03 ноября 2022 года

Современному человеку, в сознании которого уже давно живет уверенность в том, что почти все, на чем зиждется его жизнедеятельность, порождено наукой, покажется тривиальным и очевидным утверждение о том, что процесс научного познания осуществляется вполне конкретными, реальными людьми – носителями определенных знаний, умений и навыков. В самом деле, каким образом наука смогла бы достичь столь впечатляющих успехов в познании окружающего мира в отсутствие индивидуальных и коллективных усилий людей?

Между тем то, что представляется очевидным обыденному сознанию, может не выглядеть таковым для сознания философского. Действительно, обращение к гносеологии, философии науки показывает, что стремление объяснять научное познание, апеллируя к его носителю – человеку, часто рассматривается как опасная тенденция, которая чревата психологизацией познавательного процесса и лишением знания форм внеличностного существования. В этой связи гносеология, а вместе с ней и философия науки, долгое время оставалась пристанищем так называемой «бессубъектной» методологии исследования познавательных процессов.

Безусловно, методология «бессубъектного» рассмотрения познания позволяет выявить

определенные закономерности роста и развития научного знания, но она также имеет и свои ограничения¹¹. Пожалуй, один из самых главных недостатков данной методологии заключается в том, что познавательный процесс изображается в ней как процесс, осуществляемый исключительно силами разума. При этом сам разум фигурирует в качестве абстрактной инстанции (трансцендентального сознания), безличного условия объективно разворачивающихся процессов. Приходится, однако, заметить, что в процессе научного познания участвует не только одна мысль, но эмоции, воля, убеждения человека. Кроме того важно обратить внимание на еще одно обстоятельство. Как известно, обоснованность научного знания часто связывается с четко фиксированными средствами – аксиоматизацией и формализацией. Однако возможности формализации и аксиоматизации не безграничны, ибо лимитированы ограничительными теоремами К. Геделя. Коль скоро уже арифметика натуральных чисел включает содержание, которое не может быть выражено исключительно на основе логических правил образования и преобразования соответствующей формальной системы, то тем более это справедливо для наук (физика, химия, биология и др.), где значительный удельный вес составляют индуктивные умозаключения. Таким образом, для того, чтобы дать целостную картину научно-познавательной деятельности, необходимо осмысливать чувственные, внелогические механизмы сознания, а также их продукты – эмоции, образы, метафоры. Следуя этой установке, мы постараемся представить научное познание в единстве его рационально-рефлексивных и чувственно-эмоциональных, логико-понятийных и образно-символических компонентов. Мы надеемся также показать, что некоторые «инструменты» и результаты научного познания связаны не только с разумом, но и телом человека и отражают их эволюционно-биологическую и социокультурную специфику. В целом мы преследуем цель еще раз продемонстрировать, что научное познание не может быть понято вне учета его человеческого измерения.

Начнем с обращения к одному из представителей новоевропейской философии и одновременно ученому, стоявшему у истоков классической науки, – Р. Декарту. В истории западноевропейской философской мысли Декарту принадлежит исключительной важности заслуга – построение корпуса человеческого знания на абсолютно бесспорном и непоколебимом фундаменте. Как известно, этим фундаментом, своего рода «архимедовой точкой», стал принцип *cogito*. Положение «*Ego cogito, ergo sum*» обрело статус истины, лейтмотива всей последующей новоевропейской мысли.

В этом положении, как нам кажется, особенно важной является картезианская трактовка мышления. «Под словом “мышление”, – пишет Декарт, – я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем. Таким образом, не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что мыслить» [4: 316]. Глубже понять позицию Декарта позволяет его спор с философом П. Гассенди. Суть возражений Гассенди заключалась в том, что к выводу о существовании собственного «я» можно якобы прийти не только на основании мышления, но и любого другого рода действия. Например, «я хожу, следовательно, существую», или «я вижу, следовательно, существую». Декарту данное возражение представлялось не вполне уместным. Он, в частности, пояснял, что иногда человеку кажется, что он куда-то идет или что-то рассматривает, хотя на самом деле он не трогается с места, глаза его плотно закрыты, потому что он спит. В этой связи положения «я хожу, следовательно, существую» или «я вижу, следовательно, существую» не обладают той же степенью достоверности, что и положение «я мыслю, следовательно, существую».

Однако в то же время Декарт замечает, что вывод Гассенди будет верен в том случае, если мы будем понимать «я вижу» или «я хожу» не как зрение или ходьбу, но как *осознания* зрения или ходьбы. В самом деле, несмотря на то, то во сне наше тело покоится, а глаза закрыты, тем не менее на основании того, что мы *думаем*, будто мы ходим или смотрим, мы можем сделать вывод о существовании думающего так ума [5: 276]. Таким образом, смысловое ядро картезианского принципа *cogito* – это не совокупность рациональных операций, а сознание, то есть знающие себя мысль, чувство, действие, или одним словом, *рефлексия*.

Картезианский принцип рефлексии позволяет, на наш взгляд, более взвешенно подойти к вопросу о месте личности познающего, субъективности в научном познании. В тени уже не может остаться то обстоятельство, что наука зиждется на субъективности, но субъективности рефлексивной, самосознающей. Как показывает опыт, в отсутствие такого рода субъективности, то есть, по сути вне ситуации сознания зрение, слух наблюдателя оказываются просто слепыми и глухими к происходящему. Отечественный философ М. К. Мамардашвили вспоминает один из таких случаев из истории квантовой механики. Проводимый учеными анализ записей опытов Э. Ферми показывал, что в этих опытах наблюдался атомный распад, между тем как в ходе самих опытов никто этого атомного

распада не увидел [9: 51]. Как явствует из этого примера, сознательный акт вовсе не обязательно сопровождает чувства, мысли и действия субъекта, а поэтому научное исследование, наблюдение предполагает личностные, индивидуальные усилия по культивации и поддержанию рефлексивного акта.

Между тем вопрос, который хотелось бы поставить далее, следующий: является ли рефлексивная (сознательная) субъективность единственной формой субъективности, которую предполагает и требует научное познание? Обратимся на этот раз к современному философу, историку науки М. Полани. Если Р. Декарт, как следует из вышеизложенного, отстаивал идею *cogito* – рефлексивного сознания, то М. Полани можно назвать автором концепции «неизреченного интеллекта».

В исследовании М. Полани опирается на хорошо известный факт, «что цель искусного действия достигается путем следования ряду норм или правил, неизвестных как таковые человеку, совершающему это действие» [10: 82]. Так, пловцы в большинстве своем не знают закономерности, благодаря которой они держатся на воде, велосипедисты – законов механики, объясняющих равновесие велосипедиста при езде, более того, знание всех этих закономерностей вовсе не обеспечивает умения. «Писанные правила умелого действия могут быть полезными, но в целом они не определяют успешность деятельности; это максимы, которые могут служить путеводной нитью только в том случае, если они вписываются в практическое умение или владение искусством» [10: 83]. Отсюда следует вывод, что искусство не может передаваться с помощью системы рациональных правил (говоря другими словами – в безличной, отчужденной форме). Научение мастерству возможно только посредством личного взаимодействия, примера.

Все сказанное Полани имеет прямое отношение и к научному знанию. В самом деле, работа с экспериментальными установками, приборами, важной частью которой является их отладка, калибровка, предполагает весьма сложные движения и поэтому требует специальной сноровки, мышечной памяти, телесной дисциплины, которые в конечном итоге результируются в своего рода «телесное чутье». Такое телесное чутье представляет собой результат многолетней личной гимнастики для нервов и мускулов, упражнений, совершаемых в одном и том же порядке, с одним и тем же инструментарием, и, что самое главное, оно неотделимо от познающего субъекта, то есть носит неявный, неформализованный характер.

Еще в XIX веке Г. Гельмгольц обращал внимание на то, как непропорционально много времени тратится на подготовку экспериментальной установки, на побочные эффекты, сколько стараний уходит на изучение погрешностей приборов и к скольким ухищрениям приходится прибегать, чтобы избежать их неблагоприятного воздействия. Сказанное тем более справедливо для науки XX столетия. Если в начале прошлого века такой ученый, как Вильсон, сам конструировал средства экспериментирования и принимал активное участие практически на всех стадиях эксперимента, то в 30–40 годы, в связи с переходом физики к эмульсионным технологиям, имела место уже иная ситуация. Одна группа регистрировала эмульсионные треки, другая производила соответствующие измерения и вычисления, а производство самой эмульсии осуществлялось не учеными, а различными компаниями, такими, например, как «Кодак». При этом для ученых – университетских физиков – возможности установления принципов, стоящих за эмульсионными технологиями, оказались весьма ограниченными, так как данные принципы как раз и представляли собой тот сорт знаний и умений, который не облакался в форму письменных инструкций, алгоритмов, а требовал личного участия в технологическом процессе – так называемое неявное знание. Во второй половине XX века научные лаборатории стали напоминать фабрики. Число физиков и инженеров, вовлеченных в постановку и проведение эксперимента, возросло до нескольких сотен человек, а оборудование превратилось в многосложные аппаратные комплексы. Каждая группа отвечала за отдельный элемент оборудования в целом, участвовала в определенном этапе анализа данных. Возросшая степень специализации и разделения труда между учеными сделали еще более заметным тот факт, что основу научного знания составляет неявное знание.

В последнее время одним из наиболее прямых подтверждений концепции «неявного знания» М. Полани могут считаться исследования социолога науки Г. Коллинза. Одна из работ этого исследователя была посвящена изучению социальной сети ученых, занятых постройкой специального типа лазера, названного «ТЕА-лазер». Под сетью ученых в данном случае понимается совокупность исследовательских групп, связанных общностью целей и интенсивно обменивающихся информацией, техническими ресурсами, участниками и т. д. В своем исследовании Г. Коллинз обращает внимание на следующий любопытный факт. Впервые о создании эффективного ТЕА-лазера в литературе было сообщено в 1970 году, и с этого времени многочисленные группы физиков стали пытаться создавать свои собственные варианты. Однако ни одной группе ученых не удавалось воспроизвести действующий

лазер, пользуясь лишь содержащейся в формальных публикациях информацией. Успех в постройке работающего лазера всегда зависел от прямых личных контактов. Как полагает Г. Коллинз, эти личные контакты были столь важными потому, что лишь в ходе непосредственного взаимодействия ученые могли передавать друг другу то скрытое, неформализуемое, знание, от которого зависела их работа [15].

В целом, опираясь на размышления М. Полани и Г. Коллинза, можно сделать следующий вывод: наличие глубинного «неформализуемого знания», связанного с практическими умениями и навыками говорит о существовании своего рода «телесной субъективности», столь же необходимой в научном познании, как и субъективности рефлексивной, сознательной. При этом для адекватного понимания человеческого измерения научного познания будет важным заметить, что в реальной научно-познавательной деятельности оба типа субъективности пребывают в единстве. Для того, чтобы увидеть и в полной мере оценить данное обстоятельство, необходимо учесть, что научное познание предполагает совместное действие рационально-рефлексивного и эмоционально-чувственного компонентов сознания.

Поначалу может показаться, что эмоции представляют только угрозу для рационального, научного мышления. Они мешают исследователю быть беспристрастным и поэтому оказывают негативное влияние как на процессы приобретения знания, так и оценку его познавательного достоинства. Кроме того, субъективность эмоций не позволяет им претендовать на роль факторов, оказывающих значимый вклад в достижение объективной истины. Безусловно, данные соображения, которые часто можно встретить в истории философии, содержат определенное рациональное зерно, однако, будучи гипертрофированными, они способны существенно исказить и обеднить реальную картину научно-познавательной деятельности, лишит ее человеческих, личностных черт.

Для того, чтобы увидеть неизбежность и необходимость эмоционально-чувственного начала в научно-познавательной деятельности, следует принять во внимание одно фундаментальное затруднение, с которым непременно столкнулся бы субъект, если бы он полагался исключительно и только на силу разума при решении даже самой элементарной познавательной проблемы. Данный субъект оказался бы под угрозой так называемого «комбинаторного взрыва»: ему потребовалось бы учесть, продумать, сопоставить несоизмеримое с его ограниченными интеллектуальными способностями и дефицитом времени количество возможных линий рассуждения и их результатов. Единственным выходом из сложившегося затруднения явилось бы ограничение этого потенциально бесконечного множества спектром наиболее значимых вариантов, путей рассуждения. Однако для эмоционально купированного сознания, незнакомого с чувством риска, радости, разочарования данное решение так и осталось бы одним из многих среди прочих других решений. Только эмоциональный разум способен осуществлять селективную деятельность, выделяя значимые, достойные для развития, продумывания пути мысли^[21]

Учитывая сказанное, можно с уверенностью утверждать, что чувственные, эмоциональные состояния играют существенную роль уже в процессе инициации научного исследования. Еще до совершения открытий, выдвижения оригинальных гипотез, молодой начинающий исследователь должен ответить на ряд важных вопросов, например: решению какой научной проблемы стоит посвятить свою научно-познавательную деятельность? Каких методик следует придерживаться для того, чтобы решить поставленную проблему? Конечно, постановка подобного рода вопросов и поиск ответов на них не обходится без привлечения рациональных соображений, обдумывания того, какие именно темы, методы и т. п. являются наиболее перспективными в плане достижения истины, успеха, признания коллег. И все же, намереваясь заниматься наукой, особенно фундаментальными исследованиями, нелепо полагать, будто возможно с помощью рациональных калькуляций получить строгие и точные ответы на эти вопросы. Полностью элиминировать, пользуясь разумом, неопределенность, связанную с отдачей от той или иной темы, метода не возможно. В этой связи первые шаги субъекта научно-познавательной деятельности продиктованы по преимуществу его чувственно-эмоциональными состояниями. Так, Дж. Уотсон, один из первооткрывателей структуры ДНК, следующим образом определил кредо собственной научно-исследовательской деятельности: «Никогда не заниматься тем, что заставляет скучать» [21: 239]. А вот высказывание современного выдающегося физика К. Рубиа об ученых: «Стимул, который нами движет – это любопытство, некая разновидность страсти, желание добиться большего понимания и истины, чем те, которыми мы располагаем в данный момент» [21: 240]. Интерес, любопытство, удивление – таковы наиболее распространенные чувственные состояния, стимулы, иницирующие процесс научного поиска. Значимую роль в процессе научного исследования играет такое чувство как надежда. Надежда – это не просто ожидание желаемого

результата, но радостное, воодушевленное его предвосхищение. Без нее ученому было бы тяжело скрупулезно и точно выполнять все те сложные экспериментальные процедуры, которые необходимы для достижения истины.

Разумеется, в процессе научного исследования ученые испытывают не только «положительные», но и «отрицательные» эмоции – разочарование, тревогу, раздражение. Было бы ошибкой оценивать влияние этих эмоций исключительно как деструктивное. Так, разочаровывающий результат эксперимента может не просто побудить исследователя повторить его еще раз, но и породить сомнения в надежности используемой аппаратуры, стимулировать критическую рефлексию, направленную на пересмотр теоретических положений, стандартов проведения исследования. Кроме того, следует заметить, что наука – это не только особая система знаний, но и система определенных отношений между людьми. В этой связи ученые обнаруживают не только эмоциональную заинтересованность в научных идеях, но испытывают, проявляют эмоции и по отношению к своим коллегам. Безусловно, большая доля истины содержится в том, что теплые человеческие отношения между учеными спланируют их умы и облегчают творческое сотрудничество. В то же время надо признать, что амбициозность, желание опередить «коллег по цеху» так же могут составить мощный «энергетический потенциал» научно-познавательной деятельности. Дж. Уотсон, например, вспоминал, что их совместные с Ф. Криком поиски структуры ДНК стимулировались опасениями, беспокойством, что данное открытие будет сделано их научными конкурентами – Л. Полингом, Р. Фрэнклином и М. Уилкинсом. Таким образом, как это ни парадоксально, негативные эмоциональные состояния тоже могут служить сильным стимулом научного поиска и приводить к получению значимых для науки результатов.

Говоря о значимости эмоционального начала в научном познании, обязательно нужно остановиться на таком чувственном состоянии субъекта познания как сомнение. Сомнение является важным атрибутом научно-познавательной деятельности. В его отсутствие исследователю легко впасть в догматизм. В то же время следует заметить, что сомнение только тогда выступает органичной частью научного познания, когда оно имеет форму эмоциональной реакции – беспокойства. В самом деле, подвергая сомнению некое утверждение, ученый оценивает его как «эпистемически ненадежное». Подобная оценка, однако, возможна лишь потому, что субъект обеспокоен тем, что в структуре его деятельности присутствует (или будет присутствовать) знание, на которое нельзя положиться, развивая эту деятельность. В отсутствие подобного рода обеспокоенности у субъекта вряд ли появились бы мотивы пересматривать те или иные положения, искать им замену и т. д.¹³¹

Кроме того, при более внимательном рассмотрении, приходится принять во внимание и еще одно обстоятельство. Обычно чувство сомнения (а вместе с ним и обеспокоенность) в некоем положении возникает в связи с соотношением данного положения с имеющимся в сознании субъекта знанием. При этом субъект, как правило, готов отдать отчет, в свете какого именно знания данное положение представляется ему сомнительным. Стоит, однако, заметить, что сознание хранит весьма обширный объем информации, а способности субъекта ориентироваться в этой полноте информации, оперировать ею, ограничены. В этой связи само сомнение, чувство обеспокоенности не может обойтись без другого чувства – уверенности в том, что та информация, которая присутствует в сознании, но не была рационально эксплицирована в процессе конституирования сомнения, является несущественной для рассматриваемого вопроса. Здесь мы подходим к одному важному различию, которое имеет принципиальное значение для уяснения необходимости включения чувственно-эмоционального элемента в научно-познавательную деятельность.

Речь идет о различии «непосредственного» и «опосредованного» знания¹⁴¹. Знание является опосредованным тогда, когда оно представляет собой продукт рефлексивного размышления. Опираясь на подобный род знания, субъект, как правило, способен привести доводы в его защиту, показать, что оно является выводом из неких разумных посылок. Идя от противного, можно догадаться, что непосредственное знание – это знание, в защиту которого субъект не в состоянии привести аргументы, однако это знание все же составляет основу рассуждений субъекта. Оправданность и необходимость непосредственного знания объясняется особенностями рефлексивных процессов. Действительно, собственно рефлексия как самоконтроль мышления осуществляется через процедуры вопрошания, поиска ответа на вопрос о том, почему мы как субъекты научного познания придерживаемся одних, а не других теоретических представлений. В принципе, данный процесс самовопрошания мог бы продолжаться до бесконечности, что просто парализовало бы научно-познавательную деятельность в ее исходных началах, основе. Сам факт того, что в действительности этого никогда не происходит, свидетельствует, что ученый располагает неким чутьем, которое подсказывает ему, где и когда

остановиться в процедуре рационального обоснования и какие основания можно принять без дальнейших вопросов. Принятие таких оснований осуществляется, как правило, на эмоционально-волевой основе. По-видимому, здесь проявляется следующее обстоятельство. По мере углубления рефлексии основания, которые исследователь пытается привлечь при объяснении теоретических представлений, становятся настолько общими и фундаментальными, что просто перестают быть видимыми для рефлексии. Прибегая к образному языку, можно было бы сказать, что данные основания оказываются как бы «воздухом»: они не видимы в силу их «прозрачности», то есть непосредственной близости к носителю рефлексии.

Прекрасный повод убедиться в обязательном присутствии непосредственного знания в научно-познавательной деятельности – обратиться к обсуждению такой важной для научного познания темы как проблема индукции. На наш взгляд, было бы полезным остановиться на том развороте, который получает данная проблема в знаменитом мысленном эксперименте Н. Гудмена, посвященном выбору между «зеленым» и «зелубым» цветом [2: 71-81]. Гудмен предлагает нам поразмыслить над следующей ситуацией. Учítывая, что со временем некоторые предметы меняют свой цвет, мы вводим специальный термин – «зелубой» и намереваемся употреблять его для всех предметов, которые до конца 2000 года остаются зелеными, а после 2000 становятся голубыми. Принимая эти условия и помещая себя в соответствующую им воображаемую ситуацию, мы оказываемся перед вопросом о том, какого из двух суждений нам следует придерживаться:

- 1) все изумруды зеленые;
- 2) все изумруды зелубые.

На первый взгляд, кажется, что мы должны связать свой выбор с первым суждением, тогда как на самом деле оба суждения, как ни странно, подкреплены одинаково хорошо. В самом деле, несмотря на то, что те изумруды, которые мы встречали до сих пор, были зеленые, тем не менее мы не можем с достоверностью утверждать, что и все будущие примеры тоже непременно будут таковыми. В конце концов, будущее не обязано быть похожим на прошлое. В этой связи, помня об условиях употребления термина «зелубой», мы вполне можем придерживаться утверждения о том, что все изумруды зелубого цвета.

Примечательность рисуемой Гудменом ситуации не просто в ее парадоксальности. Данный эксперимент, на наш взгляд, позволяет еще раз указать на внелогическое, непосредственное знание, которое в данном случае связано с индуктивным выводом. Обратим внимание, что хотя с позиции индуктивного вывода до наступления 2000 года оба суждения, согласно фактам, одинаково возможны, тем не менее выбор первого из них (все изумруды зеленые) представляется более простым. При этом данную простоту, как заметил в свое время У. Куайн, гораздо легче почувствовать, чем рационально артикулировать, объяснить. Дело в том, что за суждением о том, что все изумруды зеленые, стоит принцип неизменности естественных явлений, процессов, или принцип единообразия природы. Этот принцип не является следствием логического вывода, но он и не нуждается в нем. Человек, требующий логических доказательств данного принципа, едва ли смог бы выучиться умению вести научные исследования. Представление о том, что природа действует «вразнобой» и способна постоянно преподносить «сюрпризы», просто обесмыслили бы постановку, организацию фундаментальных познавательных процедур – наблюдение, эксперимент, а равно и само обучение этим процедурам.

Отталкиваясь от предложенного Гудменом мысленного эксперимента и его интерпретации в терминах «непосредственного знания», можно допустить, что чувственно-эмоциональные факторы отражают прежде всего такие стандарты проведения научных исследований и оценки их результатов, которые непосредственно недоступны рефлексии. И в самом деле, обращение к истории и философии науки показывает, что важным стимулом, определяющим направление научного поиска, а также принятие или отвержение научных идей, является не столько соответствие (или не соответствие) между теорией и экспериментальными данными, сколько наличие (или отсутствие) единства, согласованности внутри научного знания. При этом само это единство и согласованность научного знания идет рука об руку с чувством гармонии, красоты научного знания, переживанием интеллектуального комфорта от некой системы знания. Свидетельством справедливости данного обстоятельства могут послужить высказывания самих творцов современной физики: Эйнштейна, утверждавшего, что «внутреннее совершенство теорий» важнее, чем их внешнее оправдание [13]; Дирака, заявлявшего, что в научной деятельности нужно полагаться более на красоту математических уравнений, нежели на их корректность [3]; Гейзенберга [1], посвятившего красоте в науке не одну страницу своих методологических работ и многих других.

Значимость эстетических соображений как в процессе развития научного знания, так и при оценке его познавательного достоинства, есть верный признак того, что научное познание представляет собой не реализацию готовых, анонимных алгоритмов, а творческий, личностный процесс. В свою очередь творческая специфика научного мышления позволяет в очередной раз убедиться в тесном сотрудничестве чувственно-эмоциональных и рефлексивно-рациональных компонентов в процессе научного познания.

Как известно, научно-познавательная деятельность начинается с постановки некой проблемы и для этого вовсе не достаточно наблюдательности и аналитических способностей. Вспомним, как лорд Кельвин, подводивший итоги развития физики за XIX век, полагал, что над физикой простирается ясное небо, на котором виднеются лишь два небольших облачка. Впоследствии, однако, эти две незначительные трудности (отрицательный результат опыта Майкельсона и сложности в объяснении спектра абсолютно черного тела) потребовали кардинальных изменений в естественнонаучном знании, стали причиной оформления того, что сегодня называют «неклассическим типом научной рациональности» [11]. По-видимому, констатация нового факта или побочных нежелательных результатов эксперимента сама по себе еще не приводит к постановке проблемы. Требуется еще убежденность в том, что новые эмпирические данные или побочные результаты исследования не могут быть описаны традиционными методами в сложившейся системе знания. Учитывая, что в интеллектуальном арсенале ученого всегда имеются средства, нейтрализующие «неудобные» факты (например, гипотезы *ad hoc*), данная убежденность не носит всецело рассудочного характера. Скорее ее можно охарактеризовать как предчувствие, интуитивное схватывание познавательного целого в ситуации, когда само это целое логически не выводимо и экспериментально не дано.

Включенность в проблемную ситуацию ставит исследователя перед необходимостью специфического поиска: в условиях недостаточности наличной системы знания, ученому приходится выходить за ее границы, расширять поисковое поле исследования. Такое трансцендирование пределов наличного знания позволяет ученому осуществлять «поисковый разброс внимания», то есть учитывать не только целесообразную, но и «нецелесообразную» для решения актуальной задачи информацию. Сложно переоценить то значение и роль, которую выполняет «нецелесообразный разброс внимания». Благодаря ему в исследовательском сознании накапливается необходимый запас образов и представлений, сознание предуготовливается к опробованию различных теоретических вариантов и комбинаций. Поскольку многие из этих идей и образов не имеют прямого отношения к цели научного исследования, постольку перебрать и опробовать возможные комбинации и варианты может только воображение. Именно воображение способно учитывать и строить ассоциативные связи между элементами, связывать и удерживать в рамках одного целого разрозненные восприятия, одновременные и разноплановые явления, события, процессы. В этой связи только взаимодействие воображения и рационально-логического мышления способно привести к «озарению», когда у субъекта возникает продуктивная идея, гипотеза, позволяющая связать новые эмпирические данные или идеи, неподдающиеся описанию в существующей системе знания.

Здесь, надо сказать, мы подходим к одной из фундаментальных особенностей творческого научного мышления. Тот факт, что научные открытия обычно совершаются в форме внезапных озарений (инсайтов) свидетельствует о том, что в сознании субъекта познания всплывает лишь результат мышления – найденные решения, сопровождающиеся интуитивным ощущением его адекватности, а сам процесс остается «за кадром». Действительно, во многих концепциях творческого мышления, выделяющих стадии подготовки, инкубации, озарения и проверки решения, центральное звено творческого процесса – вызревание и нахождение творческого решения – рассматривается как скрытый в подсознании процесс^[15]. Тем не менее кое-что об этом таинственном процессе все же известно. Учитывая, что осознанность тесно связана с языком и логическими понятиями, не сложно догадаться, что творческое мышление, протекающее за пределами сознания, оперирует некими отличными от логико-понятийных конструкций образованиями. Многочисленные примеры из истории науки говорят о том, что такими образованиями, составляющими «ткань» творческого мышления, выступают зрительные образы. Так, при создании Эйнштейном теории относительности заметную роль сыграли образы часов и падающего лифта, в открытии Ф. А. Кекуле формулы бензольного кольца – образ змеи, кусающей себя за хвост. И.П. Павлов опирался на образ телефонной станции как на визуализированную модель нервной системы, Д. Пойа при осмыслении математических уравнений использовал образ «стиснутых корней»^[16].

Ключевая роль визуальных образов в процессе творческого мышления неудивительна, поскольку в качестве материала творческого мышления они имеют ряд преимуществ по сравнению с понятиями.

Во-первых, понятия скованы языком, ограничены логическими отношениями. Мысля в понятиях, трудно выйти за пределы общеизвестного и осуществить собственно творческий акт. Образы же свободны от ограничений логики и языка и поэтому при наполнении онтологическим содержанием позволяют получить новое знание. Во-вторых, понятия дискретны, представляют собой фрагменты реальности, отсеченные от нее своими логическими пределами. А образ непрерывен, может вбирать в себя любое онтологическое содержание и плавно перетекать в другие образы. В-третьих, понятия унифицированы и плохо приспособлены для выражения «личностного знания», индивидуального опыта человека, лежащего в основе творческого мышления. Образы же позволяют запечатлеть этот опыт во всей его уникальности и включить в мыслительный процесс.

Образная природа творческого научного мышления выводит нас на еще одну важную тему – использование фигуративного языка в научном познании – метафор, аналогий, сравнений и т. д. Как явствует из уже сказанного, потребность в фигуративном языке возникает в научном познании тогда, когда ученый нащупывает принципиально новый элемент реальности, не имеющий специального наименования в языке и плохо изученный. Его название обычно рождается в результате метафоризации уже имеющихся слов и обобщения их значений, при котором важную роль играет сопоставление некоторых качеств объектов, именуемых данным термином, со свойствами обнаруженного или гипотетически предполагаемого объекта. При этом не только изобретается название, но и конструируется наглядная, чувственно представляемая модель объекта, явления, что составляет важную сторону научного творчества. В качестве примера можно сослаться на современную физику, где широко используются такие метафоризированные термины как «дырка», «сгущение поля» и т. п.

Существуют, однако, и более общие причины использования фигуративного языка в научном познании. Дело в том, что предмет научного исследования, особенно современного, как правило, не поддается непосредственному наблюдению. В этих случаях мысль ищет поддержки в аналогиях, которые помимо исследовательских функций выполняют роль замещающего образа, анализируемого, недоступного непосредственному восприятию объекта. Благодаря этим замещающим образам мы можем представить себе чувственно не воспринимаемые явления и процессы наглядно. Подобные рассуждения по аналогии, дающие возможность идти от известного к неизвестному, оказываются одновременно источником различных персонификаций, анимизаций, реификаций и т. д. Так, говорят, например, о том, что элементарные частицы «отталкивают» и «притягивают» друг друга, «захватываются» и «освобождаются», нейроны «отвергают» и «принимают» сигналы, гены «инструктируют» процессы образования ферментов и т. п.

Безусловно, использование фигуративного языка оказывается еще одним каналом, по которому в «тело» научного знания проникает личностное начало. Как видно из вышесказанного, метафора объединяет в представлении несходные, далеко отстоящие друг от друга явления, позволяет, по выражению Н. Д. Арутюновой, «сравнивать несопоставимое». Это с одной стороны, а с другой – метафора появляется там, где, отправляясь от тождества двух предметов, ум удерживает из него лишь столько, сколько необходимо, чтобы не помешать и впечатлению различия. Таким образом, метафора, которая функционирует только тогда, когда сознание общности значений сосуществует с сознанием их различия, предполагает такую индивидуальную способность, как творческая интуиция. Далеко не всякий ученый обладает этой способностью. В то же время следует иметь в виду, что метафорические слова и связанные с ними ассоциативные комплексы укоренены в культуре и составляют часть общественного знания. В этой связи выбор и характер метафорических средств обусловлен не только индивидуальным опытом ученого, но и общими структурами практики и культуры.

В самом деле, анализ научных текстов, учебных пособий позволяет обнаружить в них присутствие устойчивых метафорических тем, комплексов, которые, с одной стороны, являются естественной частью научного языка, а с другой – отсылают к определенным аспектам человеческой жизнедеятельности. Показательный пример в данном отношении представляют медико-биологические науки. Так, выражения типа «генетический словарь», «ДНК-библиотека», «копийная ДНК», «считывание информации с РНК» и т. п. обнажают те незримые нити, которыми связаны объективные научные описания с существующими в мире человека способами хранения и передачи информации. Можно также указать на метафорические темы «войны» и «охоты», о чем свидетельствует язык иммунологов, микробиологов, в котором широко распространены оппозиции: «свой-чужой», «атака-защита», «хищник-жертва» и т. д.^[1]

В продолжение сказанного обратим внимание на еще один факт, который требуется учесть при разговоре об использовании фигуративного языка в научном познании. Как мы знаем, человек выступает частью как природного, так и социокультурного мира, и поэтому метафоры, аналогии и т. д.

могут отражать эту двойную принадлежность – специфику эволюционной и социальной истории человека. Попробуем пояснить сказанное.

Тот факт, что человек является частью природного мира, говорит о том, что его разум, по крайней мере частично, сформировался под давлением естественного отбора. При этом для адаптивно успешного поведения человеку и его предкам было особенно важно научиться координировать движения собственного тела, и поэтому разум сформировался прежде всего как инструмент эффективного действия, а не «чистого» умозрения. Разумеется, не всякий вариант организации и упорядочения сенсомоторного опыта отвечал требованиям естественного отбора, но те варианты, которые данным требованиям удовлетворяли, будучи многократно воспроизведенными, оформились в виде своего рода схем и получили закрепление на нейрофизиологическом уровне. Эти устойчивые, повторяющиеся структуры организации сенсомоторного опыта называют сегодня «кинестезические образные схемы» и одной из таких схем является схема «вместилище» – схема, согласно которой сенсомоторный опыт человека упорядочен на основе разделения «внутреннее-внешнее»^[8]. Главный результат такого упорядочения – это восприятие человеком собственного тела как «вместилища» и последующее осмысление окружающего мира из перспективы тела. Существует немало примеров того, что человек концептуализирует свое восприятие, деятельность в терминах схемы «вместилища». Так, некто может утверждать, что вещи «входят» в поле зрения, что свидетельствует о том, что поле зрения понимается как вместилище. Родственные отношения между людьми также понимаются в терминах вместилищ. Говорят, например, о том, что можно «вступить» в брак, или «выйти» из него и т. д. Аналогичным образом рассуждают о психологических состояниях, о чем свидетельствует, например, такое выражение как «выйти из оцепенения».

То обстоятельство, что человеческое видение и понимание вещей привязано к схемам сенсомоторного опыта имеет отношение и к научному познанию. В последние десятилетия часто звучит мысль о том, что в таких областях научного знания, как биология, экология, иммунология активно циркулируют «милитаристские» метафоры^[9]. Так, например, распространение некоторых разновидностей живого (представителей флоры и фауны) в рамках определенных территорий может описываться как «вторжение», «захват» и т. д.^[10]. Описания подобного рода могут интерпретироваться как «телесно нагруженные» потому, что, во-первых, разделение растительных и животных видов на «аборигенные» и «чужие» затребует для осмысления природного мира схему «вместилище», имплицитную концепт границы, разделяющую «внутреннее» и «внешнее». А во-вторых, потому, что некая природная территория вместе со своими обитателями понимается на манер «тела» с присущим ему балансом и равновесием, а новые, приживающиеся виды трактуются как «болезнь», которая проникает в тело и колеблет сложившееся в нем равновесие.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что инвазивная биология, о которой в данном случае идет речь, развивается, как и любая другая область научного знания, в лоне общества, культуры и поэтому ее «телесные метафоры» имеют свойство приобретать и социокультурные смыслы и коннотации. К примеру, уже упоминавшиеся нами «милитаристские описания» говорят о том, что некоторые разновидности живого рассматриваются сегодня как «вражеские солдаты», а те природные территории, ландшафты, по которым они распространяются, видятся как «государства», «нации», находящиеся под угрозой разрушения. Примечательно, что британский зоолог, эколог Ч. Элтон работал над созданием инвазивной биологии в условиях Второй мировой войны, когда угроза национальной безопасности ощущалась особенно остро.

Интересно заметить, что иногда концептуальные средства, используемые учеными, выходят за пределы научного дискурса и приобретают такую метафорическую нагрузку, которая далека от устремлений самих ученых. Так, в начале XX века в немецкой науке ряд исследователей отстаивали идею целостности в понимании таких явлений, как организм (Х. Дриш), человеческих мозг (К. Гольдштейн), психологические процессы (М. Вертгеймер). Эта идея холизма получила весьма специфическую смысловую нагрузку в рамках политического дискурса. В Германии после 1918 года национал-социалистами активно проводится идея о том, что немецкая нация (арийская раса) подобна живой целостности – организму, которому противостоит якобы неполноценная еврейская нация, воплощающая мертвенность механизма. Многие немецкие ученые с осуждением относились к подобно рода воззрениям. Х. Дриш, например, связывал свою виталистскую биологию с политическим космополитизмом и пацифизмом^[11].

Суммируем теперь сказанное и подведем итоги. Часто можно слышать, что в научном знании

фиксируется объективный момент и максимально элиминируется отношение субъекта к объекту. Безусловно, с данным суждением можно согласиться. Объективный момент действительно является определяющим в научном знании. В то же время, однако, следует иметь в виду, что элиминация из научного знания всего субъективного осуществляется усилиями самого субъекта, поэтому полностью устранить из научного знания субъективное (или лучше сказать, субъектное) начало – значит упразднить саму основу научного познания, отрезать знание от его собственных корней.

Действительно, как мы видели, возникновение и поддержание субъект-объектного отношения возможно только на базе рефлексивного акта, который никакого другого обеспечения, кроме личностного, не имеет. Это во-первых. Во-вторых, получение знания об объектах, как правило, сопряжено с областью неформализуемых умений, навыков, усвоение и трансляция которых возможны только на индивидуально-личностной основе. В третьих, в осуществление процесса научного познания вовлечен не только сознающий себя разум человека, но и чувства, эмоции, и эта психологическая обусловленность познания не только не всегда препятствует, но и содействует открытию истины, обостряя мышление ученого, создавая для него сильный мотивационный потенциал и даже составляя основу для оценки познавательного достоинства научного знания в том случае, когда речь идет об эlegantности, красоте научных теорий. В четвертых, в процессе генерирования нового знания ученый использует язык не только понятий, но и образов, метафор. И это фигуративное употребление языка выражает как индивидуальные, личностные особенности субъекта познания (его творческое воображение, интуицию), так и особенности его эволюционной, социальной истории. Все в целом, таким образом, говорит еще раз о том, что научное познание приобретает и сохраняет свой смысл только будучи формой человеческого понимания мира. Последнее обстоятельство станет еще более отчетливым, если мы обратим внимание на то, что в процессе научного познания ученые вынуждены постоянно вступать в общение друг с другом, спорить, двигаться от разногласий к консенсусу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Одной из первых в отечественной философии обратила внимание на следствия «бессубъектной» методологии познания, проистекающие из недостатка внимания к реальному человеку как субъекту познания, М.С. Козлова. См., в частности: [6].

[2] Забегая вперед, заметим, что данное обстоятельство имеет отношение не только к тому, что называют «контекстом открытия», но и к «контексту оправдания» знания. Представим себе субъекта, который, наблюдая в зоопарке зебру, пробует на уровне своего сознания эксплицировать те способы и источники, с помощью которых он смог бы проверить правильность своего вывода. По-видимому, данный субъект выглядел бы в наших глазах весьма странно, если бы в контексте поиска этих способов, он счел бы нужным убедиться, что зебра, которую он видит перед собой, – это не раскрашенный мул, специально поставленный кем-то, чтобы подшутить над ним. Речь, таким образом, идет о том, что, участвуя в процессе подтверждения знания, субъект, так же как и в процессе порождения знания, отталкивается от того, что существуют уместные, значимые и незначимые для проверяемого знания обстоятельства. Почему одни обстоятельства, возможности, альтернативы принимаются к рассмотрению, а другие заранее исключаются? Каковы вообще стандарты отбора значимых альтернатив? Как правило, удельный вес внелогических компонентов и механизмов в решении подобного рода вопросов гораздо выше веса рациональных, логических механизмов. Об эмоциях как «генераторах значимости» см.: [19].

[3] В свете сказанного представляется показательным различие так называемого «горячего» и «холодного» сомнения. Если первое предполагает как когнитивную, так и эмоциональную позицию, то второе – только когнитивную. См., в частности: [22].

[4] Один из тех, кто сегодня активно развивает различие непосредственного и опосредованного знания – К. Хуквэй. См., в частности: [18].

[5] Специфика научного творческого мышления – это тема, которая обстоятельно разбирается в рамках по философии, психологии науки. Классическими стали работы Ж. Адамара, А.Г. Аллахвердяна, В.С. Библера, А.М. Блоха, В.П. Карцева, А.Н. Лука, А.С. Майданова, М.Г. Ярошевского и др. В работе А. В. Юревича можно найти библиографию по данной теме. См.: [14].

[6] Не только самоотчеты ученых, но и специальные психологические исследования демонстрируют обязательность визуализации в процессе творческого мышления. В серии таких экспериментальных исследований на основе метода окулограммы (записи движений зрачка) было показано, что в сознании испытуемых всплывают лишь те решения, которые «проиграны» зрительно. См., в частности: [7]; [12].

[7] Более подробно об этом см., например: [16].

[8] О кинестезических образных схемах см.: [8].

[9] См., например: [20].

[10] Речь идет, прежде всего, о так называемых инвазивных видах – видах растений и животных, случайно занесенных человеком в новые для них регионы, где они приживаются и начинают размножаться.

[11] См., в частности: [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гейзенберг В. Значение красоты в точной науке // Шаги за горизонт. М., 1987. 368 с.
2. Гудмен Н. Способы создания миров. М., 2001. 376 с.
3. Дирак П. Эволюция физической картины природы // Элементарные частицы. Серия «Над чем думают физики». Вып. 3. М. 1965. С. 123-139.
4. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. 654 с.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии // Сочинения: в 2 т. М., 1994. Т. 2. 633 с.
6. Козлова М. С. Проблемы субъектно-объектного анализа // Диалектика познания: Компоненты. Аспекты. Уровни. Л. 1983. С. 13-70.
7. Кулюткин Ю.Н. Эвристические методы в структуре решений. М., 1970. 232 с.
8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные предметы: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. 792 с.
9. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1993. 415 с.
10. Полани М. Личностное знание. М., 1983. 344 с.
11. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
12. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969. 304 с.
13. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1967. 600 с.
14. Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб., 2001. 352 с.
15. Collins H. M. The TEA Set: Tacit Knowledge and Scientific Networks // Science Studies. 1974. Vol. 4. P.

165-186.

16. Darian S. G. *Understanding the Language of Science*. University of Texas Press, 2003.
17. Harrington A. *Metaphoric connections: holistic science in the shadow of the Third Reich* // *Social Research*. 1995. Vol. 62 (2). P. 357-385.
18. Hookway Ch. *Epistemic Immediacy, Doubt and Anxiety: On a Role for Affective States in Epistemic Evaluation* // *Epistemology and Emotions* / D. Kuenzle, Dominique (Ed.). Ashgate Publishing, Limited, 2008. P. 51-67.
19. Lance M., Tanesini A. *Emotion and Rationality* // *New Essays in the Philosophy of Language and Mind*. Canadian Journal of Philosophy / M. Ezcurdia, R. Stainton, Ch. Viger (Eds.). University of Calgary Press, 2004. Vol. 30. P. 275-295.
20. Larson B.M.H. *Entangled biological, cultural, and linguistic origins of the war on invasive species* // *Body, Language and Mind. Volume 2: Sociocultural Situatedness* / R. Frank, R. Dirven, T. Ziemke and E. Bernardez (eds.). New York: Mouton de Gruyter. 2008. P. 169-197.
21. Thagard P. *The passionate scientist: emotion in scientific cognition* // *Cognitive Basis of Science* / P. Carruthers (Ed.). Cambridge University Press, 2002. P. 239.
22. Thagard P. *What Is Doubt and When Is It Reasonable* // *New Essays in the Philosophy of Language and Mind*. Canadian Journal of Philosophy / M. Ezcurdia, R. Stainton, Ch. Viger (eds.). University of Calgary Press. 2004. Vol. 30. P. 391-406.

REFERENCES

1. Heisenberg W. *The Meaning of Beauty in Exact Natural Science* // *Steps Beyond the Horizon*. Moscow. 1987. 368 p. (In Russ.)
2. Goodman N. *Ways of Worldmaking*. Moscow. 2001. 376 p. (In Russ.)
3. Dirac P. *The Evolution of the Physicist's Picture of Nature* // *Elementary particles*. Series «What Physicists Think About». Issue. 3. Moscow. P. 123-139. (In Russ.)
4. Descartes R. *Principles of Philosophy: Works: in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow. 1989. 654 p. (In Russ.)
5. Descartes R. *Meditations: Works: in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow. 1994. 633 p. (In Russ.)
6. Kozlova M. S. *Problems of subject-object analysis* // *Dialectics of knowledge: Components. Aspects. Levels*. L. 1983. St. Petersburg. P. 13-70. (In Russ.)
7. Kulyutkin Yu. N. *Heuristic Methods in the structure of decision making*. Moscow. 1970. 232 p. (In Russ.)
8. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Moscow. 2004. 792 p. (In Russ.)
9. Mamardashvili M. K. *How I understand philosophy*. Moscow. 1993. 415 p. (In Russ.)
10. Polanyi M. *Personal knowledge*. Moscow. 1985. 344p. (In Russ.)
11. Stepin V.S. *Theoretical knowledge*. Moscow. 2000. 744 p. (In Russ.)
12. Tikhomirov O.K. *The structure of human mental activity*. Moscow. 1969. 304 p. (In Russ.)
13. Einstein A. *The Collected Papers*. Vol. 4. Moscow. 1967. 600 p. (In Russ.)
14. Yurevich A.V. *Social psychology of science*. St. Petersburg. 2001. 352 p. (In Russ.)
15. Collins H. M. *The TEA Set: Tacit Knowledge and Scientific Networks* // *Science Studies*. 1974. Vol. 4. P. 165-186.
16. Darian S. G. *Understanding the Language of Science*. University of Texas Press, 2003. 262 p.
17. Harrington A. *Metaphoric connections: holistic science in the shadow of the Third Reich* // *Social Research*. 1995. Vol. 62 (2). P. 357- 385.
18. Hookway Ch. *Epistemic Immediacy, Doubt and Anxiety: On a Role for Affective States in Epistemic Evaluation* // *Epistemology and Emotions* / D. Kuenzle, Dominique (Ed.). Ashgate Publishing, Limited, 2008. P. 51-67.
19. Lance M., Tanesini A. *Emotion and Rationality* // *New Essays in the Philosophy of Language and Mind*. Canadian Journal of Philosophy / M. Ezcurdia, R. Stainton, Ch. Viger (Eds.). University of Calgary Press, 2004. Vol. 30. P. 275-295.
20. Larson B.M.H. *Entangled biological, cultural, and linguistic origins of the war on invasive species* // *Body, Language and Mind. Volume 2: Sociocultural Situatedness* / R. Frank, R. Dirven, T. Ziemke and E. Bernardez (eds.). New York: Mouton de Gruyter. 2008. P. 169-197.
21. Thagard P. *The passionate scientist: emotion in scientific cognition* // *Cognitive Basis of Science* / P. Carruthers (Ed.). Cambridge University Press, 2002. P. 235-250.
22. Thagard P. *What Is Doubt and When Is It Reasonable* // *New Essays in the Philosophy of Language and*

EMOTIONS AND INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC COGNITION

VOLKOV
Alexey

*PhD in Philosophy,
Head of Philosophy and Culture studies Department,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, philos@petsu.ru*

Keywords:

scientific cognition
human being
emotions
reflection
feelings
language
image
metaphor
body

Summary:

The paper reflects one of the main tendencies in modern epistemology, the disclosure of the human dimension of scientific cognition. Science in classical epistemology acted as a purely rational undertaking, and “ideal” scientists were supposed to be dispassionate researchers. Moving beyond these traditional perceptions, we show that feelings and emotional reactions are an integral part of scientific practice. They help both to initiate the scientific inquiry and to justify its results. Special attention is paid to the images and metaphors used in scientific language in order to show that they can reflect not only the individual and personal characteristics (creative imagination and intuition) of the subjects of cognition, but also the features of their evolutionary and social history. The paper thus demonstrates that scientific cognitive activity is deeply ingrained in the life-world and consciousness of a creator – a person who undertakes such activity.

УДК 7.01

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПЕРВОМ «ФИЛОСОФИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ» П. Я. ЧААДАЕВА*

**СУВОРОВА
ИРИНА
МИХАЙЛОВНА**

*доктор культурологии,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
suvormih@list.ru*

Ключевые слова:

Чаадаев
античная философия
Платон
Аристотель
возвышенное
низменное
мимезис

Аннотация:

актуальность исследования обусловлена необходимостью эстетического анализа текста известного публицистического произведения П. Я. Чаадаева, которое в истории философии было подробно изучено с этической, гносеологической, онтологической, теологической позиции, однако эстетический аспект специально не рассматривался. Проблема выявления рецепции античных эстетических категорий в самом известном отечественном философском письме первой половины XIX века связана со сменой культурных эпох и представляет интерес с точки зрения сохранения того содержания категорий эстетики, которое закладывалось еще Платоном и Аристотелем. В качестве методов использованы анализ текста и сопоставление содержания эстетических категорий античных философов и автора письма. В результате проведенного исследования выяснилось, что Чаадаев в своем письме использует рецепцию сократовского диалога, адаптированного для своего времени, что позволяет сделать вывод о приверженности автора античным традициям. Самыми востребованными эстетическими категориями у Чаадаева оказываются возвышенное и низменное, а также мимезис (в тексте «подражание»). В итоге выясняется, что автор письма, характеризуя западноевропейскую культуру, соотносит ее с категорией возвышенного, которое близко по своему содержанию с возвышенным у платоников и Псевдо-Лонгина. Противоположная ей категория низменного в аристотелевской трактовке с точки зрения Чаадаева более всего характеризует отечественную историю и культуру. Логичной выглядит найденная автором по результатам сравнения причина столь неприглядной картины отечественного бытия – это мимезис или подражание, в определении которого у Чаадаева явно прослеживаются как платоновские, так и аристотелевские смыслы. В результате в письме явно обнаруживается рецепция античных эстетических категорий. Однако можно отметить, что вся композиция произведения построена на противопоставлении возвышенного и низменного. Именно это

противопоставление создало сюжетный конфликт письма, которое взбудоражило его читателей в XIX веке и не оставляет никого равнодушным по сей день.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 03 ноября 2022 года

Опубликована: 03 ноября 2022 года

Эстетические исследования в отечественных публицистических произведениях первой трети XIX века проводились на фоне критики «устаревавшего» классицизма, основанного на античной классике, и укрепляющейся роли «прогрессивного» романтизма, устремленного к средневековой культуре. С точки зрения культурологии, это была типичная ситуация смены одного исторического типа другим в привычной классической парадигме развития культуры. Теоретическим источником новаторских романтических идей того периода в русской публицистике был, без сомнения, йенский романтизм в лице братьев Шлегелей, Новалиса, Шеллинга и других. От немецких классиков русские исследователи унаследовали не только эстетическую проблематику (смешение эстетических жанров и категорий, образ романтического героя и т. п.), но и главное противоречие между субъективной оценкой «плодов» Просвещения и объективацией исторического процесса.

Статьи, посвященные развитию истории, в том числе отечественной истории, регулярно публиковались в столичных журналах с начала века – в «Вестнике Европы», «Русском вестнике», «Сыне Отечества», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Невском зрителе». Однако первым поистине историософским произведением русской публицистики стало первое (и единственное из восьми опубликованных в то время в России) «Философическое письмо» Петра Яковлевича Чаадаева, размещенное в 1836 году в «Телескопе» (№ 15) редактором Н. И. Надеждиным. Это произведение можно назвать опытом первопроходца, который сумел сформулировать фундаментальные положения отечественной историософии и, по сути, «истолковал человеческую историю в виде одного связного текста» [9: 57]. Недаром у самого автора это произведение называлось «Письма о философии истории», что подчеркивает фундаментальность замысла.

Традиционно первое «Философическое письмо» анализировали с точки зрения философии истории, философии права, онтологии, теологии, гносеологии и этики [2], [3], [4], [5], [6]. Следуя тексту первоисточника, исследователи в большинстве своем с указанных позиций рассматривали проблему «отсталости» России, судьбы и роли России в мировой истории, значение христианства для становления духовности в России. Однако мало кто из исследователей обращал внимание, что, помимо правовых, этических, религиозных, онтологических и гносеологических характеристик, автор обширно использует эстетические категории и оценки, задействуя язык эстетики. Более того, Чаадаев апеллирует не к популярной в то время романтической эстетике, а как раз наоборот – его строки наполнены категориями классической эстетики, берущей свое начало у Платона и Аристотеля. Таким образом, в тексте обнаруживается рецепция античного наследия в имплицитном виде, как указывала Т. Г. Мальчукова: «Античное наследие присутствует скрыто – в жанровых и стилистических традициях, в поэтическом языке, выходя на поверхность в таких литературных течениях, которые полемически дистанцировались от злобы дня, как английский эстетизм, творчество „парнасцев“ во Франции или сторонников „чистого искусства“ в России» [10: 7].

И, несмотря на то, что третье и четвертое «Философические письма» (неизвестные широкой читательской публике того времени) непосредственно анализируют проблемы искусства с эстетической точки зрения, именно текст первого письма представляет исследовательский интерес по причине отсутствия подобных изысканий в истории отечественной эстетики и вследствие необходимости обнаружения степени трансформации античных классических категорий эстетики в публицистическом произведении XIX века.

Выбранный Чаадаевым эпистолярный жанр отчасти соответствует духу уходящей просветительской эпохи, сделавшей этот жанр особенно популярным в России. С другой стороны, автор в письме использует известную со времен Сократа форму диалога, выбирая себе в собеседники современницу, которой не просто излагает свои соображения, но и вопрошает, спорит, поучает ее: «И, к примеру сказать, вы, сударыня, столь счастливо одаренная для восприятия всего доброго и истинного на свете, вы, как бы созданная для испытания всех самых сладостных и чистых душевных наслаждений, чего вы, спрашивается, достигли при всех этих преимуществах? А вы, сударыня, не всего ли лучше облечься в одежды смирения, столь приличные вашему полу? Поверьте, это лучше всего сможет

успокоить смущение вашего духа и внести мир в ваше существование» [12: 17].

Такую манеру заочного диалога трудно назвать копией античного образца. Однако дух сократовской майевтики здесь однозначно присутствует: автор как бы «ведет» свою собеседницу от одного положения своей концепции историософии к другой, «проверяя» усвоенный урок и полагая, что он принесет пользу: «Тем не менее, я надеюсь, что облака, омрачающие сейчас ваше небо, однажды превратятся в благодатную росу и она оплодотворит семя, брошенное в ваше сердце; и произведенное на вас действие нескольких ничего не стоящих слов служит мне верной порукой более значительных результатов, их непременно вызовет в будущем работа вашего собственного сознания» [12: 16].

Таким образом, обнаруженная рецепция формы античного диалога здесь редуцирована до двух собеседников (у античных философов – больше двух) и не имеет явного ответа собеседника, но опирается на предполагаемый ответ. Однако так же, как в сократовских диалогах, Чаадаев конечной целью своего письма видит достижение истины («Я должен был показаться вам желчным в отзывах о родине: однако же я сказал только правду и даже еще не всю правду» [12: 34]) что, безусловно, роднит его с классиками Античности.

Предметный анализ текста показал, что самыми востребованными эстетическими категориями в первом письме у Чаадаева были: возвышенное и низменное, а также мимезис.

С содержанием категории возвышенного Чаадаев связывает западноевропейские «бурные волнения», «великие пробуждения», «сильные страсти народов», когда они «наживают свои самые сильные и плодотворные идеи» [12: 19]. Аналогично в античной имплицитной эстетике понятие возвышенного было близко к божественному воодушевлению у провидцев, а также обозначало восхождение к божественной идее у платоников. В обоих случаях речь идет об осознаваемом состоянии выхода субъекта восприятия за пределы обыденного и повседневного, о впечатлении необъятности и несоразмерности явления, объекта или процесса с реальностью бытия самого человека. «Великие побуждения народов» Чаадаева вполне коррелируются со страстными переживаниями и патетическим настроением Псевдо-Лонгина в трактате «О возвышенном»: «Цель возвышенного не убеждать слушателей, а привести их в состояние восторга, так как поразительное всегда берет верх над убедительным и угождающим; поддаваться или сопротивляться убеждению – в нашей воле, изумление же могущественно и непреодолимо настолько, что воздействие его происходит помимо нашего желания. Мастерство в нахождении материала и стройный порядок в его расположении с трудом обнаруживаются только во всем произведении, но не в отдельных его частях. Возвышенное же при его удачном применении, подобно удару грома, ниспровергает все прочие доводы, раскрывая сразу же и перед всеми мощь оратора» [11: 94].

Пожалуй, пафос и восторженность Чаадаева в описании исторических порывов европейских народов («Они тогда мечутся с неистовством, без ясной цели, но не без пользы для будущих поколений» [12: 19]) можно считать прямой рецепцией псевдо-лонгиновского взгляда на возвышенное, но уже в оценке автора XIX века.

В традициях античной эстетики Чаадаев противопоставляет возвышенному низменный пример, в данном случае относящийся к России: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности» [12: 19]. Описывая содержание низменного в российской жизни, автор использует яркие выражения: «бесцветное и мрачное существование», «никаких прекрасных картин в памяти», «никаких действенных наставлений в национальной традиции» [12: 20]. Подобная категоричность в историософии Чаадаева выглядит достаточно спорной и спустя 200 лет, но в его бытность она стала основной причиной критики и травли самого автора. Хотя его мнение вполне соответствует представлению Аристотеля о низменном как о низости характера (Менелая в трагедии Еврипида «Орест»), которая не вызвана необходимостью.

Ведь у Чаадаева речь идет о низости характера народа, который отличается «легковесностью» и для которого характерна «беспечность жизни без опыта и предвидения, не имеющая отношения ни к чему, кроме призрачного существования личности, оторванной от своей среды, не считающейся ни с честью, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов, ни даже с родовым наследием данной семьи и со всеми предписаниями и перспективами, которые определяют и общественную и частную жизнь в строе, основанном на памяти о прошлом и на тревоге за будущее. В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно» [12: 23].

В подтверждение своих слов Чаадаев использует три образа, которые также отражают крайнюю степень безобразного – это образ «плоского застоя», который в России ограничен лишь настоящим временем, образ «растленной Византии», которую презирали другие народы и образ немых лиц наших

земляков, у которых «во взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы» [12: 23]. Подобная образность не только иллюстрирует низменное в русской жизни, но и усиливает контраст историософского описания Европы и России.

В результате историософского сопоставления возвышенного и низменного в своем письме Чаадаев логично приходит к выводу о причине подобного контраста: «Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной» [12: 21], уточняя, что это – «слепое, поверхностное, часто бестолковое подражание другим народам» [12: 23]. И здесь мы обнаруживаем рецепцию аристотелевского взгляда на подражание (мимезис), который предполагал, что «так как все подражающие подражают лицам действующим, а действующие необходимо бывают или хорошими, или дурными, то очевидно, что каждое из подражаний будет иметь те же различия и, таким образом, само будет различно» [1: 647].

Таким образом, следуя логике Аристотеля, можно сделать вывод, что результат подражания отечественной культуры западным образцам соответствует в определенной мере самим этим разнородным образцам. Чаадаев допускает в своем письме наличие негативных западноевропейских образцов, но в его представлении о мимезисе акцент делается именно на особенностях воспринимающего: «Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний» [12: 21]. Отсутствие способности оптимального мимезиса у соотечественников Чаадаев связывает по Аристотелю с целесообразностью, а точнее с отсутствием цели этого подражания: «Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели». И далее, аналогично Аристотелю, который рассматривал Бога как квинтэссенцию разума, Чаадаев определяет Бога главной целью «созревания умов по западному образцу» и нравственного воспитания: «...необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение, ибо ведь там все совершило христианство. Так вот что я имел в виду, говоря о необходимости снова начать у нас воспитание человеческого рода» [12: 29].

Таким образом, автор письма решает проблему совершенствования своего народа через усиление влияния христианства на души людей, что вполне соответствовало его личному мировоззрению истового верующего.

Проводя параллель между мимезисом Чаадаева и мимезисом Платона, можно обнаружить сходство в определении подражания как «максимально субъективного и оторванного от объективной действительности... связанное с настоящим моральным разложением, безнравственным, низменным и развратным» [8: 35] в контексте основной платоновской эстетической теории. Подобно Платону, который рассуждал о «подражающей массе, или подражающем народе» в «Тимее», Чаадаев заявляет: «Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы» [12: 21]. Таким образом, в оценке подражания как способа развития социума Чаадаев солидаризируется с Платоном, отмечая бесплодность и бесперспективность этого способа для любого народа.

В итоге, анализ текста первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева показал, что автор использует в своих историософских описаниях эстетические категории возвышенного, низменного и мимезиса в их классическом понимании, описанном Платоном, Аристотелем и Псевдо-Лонгином. Рецепция античного наследия в данном публицистическом произведении является закономерной, так как сам автор получил классическое образование и оставался приверженцем классики в манере изложения своих идей. Контрастное сопоставление историософских представлений о Европе и России с использованием эстетических категорий возвышенного и низменного составило сюжетный конфликт письма как основу оригинальной композиции произведения. Использование эстетических категорий и оценок позволило автору сделать свое послание эмоционально насыщенным, что не оставило равнодушными читателей не только XIX века, но и последующих поколений.

*Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда № 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика // Соч. в 4-х т, Т.4. М : Мысль, 1983. 829 с.
2. Возилов В. В. Омнизм и нигилизм: Метафизика и историософия интеллигенции России. Иваново:

Референт. 2005. 412с.

3. Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича. 1908. 325с.
4. Зеньковский, В. В. История русской философии. Т. 1. М.: Высшая школа. 1991. 196с.
5. Карсавин, Л. П. Основы политики. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн / ред.-сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука. 1993. С. 174 – 216.
6. Кожин, В. В. Победы и беды России. М.: Эксмо-Пресс. 2002. 573с.
7. Левицкий, С. А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон. 1996. 496 с.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М : Искусство, 1974. 599с.
9. Лотман Ю.М. О понятии «история как текст»// Структура художественного текста, М.: 1970. С.265-280.
10. Мальчукова Т.Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А.С. Пушкина. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. - 483, [2] с.
11. Псевдо-Лонгин. «О возвышенном». Перевод, статьи и примечания Н.А. Чистяковой. Москва-Ленинград: Издательство «Наука», 1966. 150 с.
12. Чаадаев П.Я. Сочинения М: Правда, 1989. 655с.

REFERENCES

1. Aristotle. Poetics // Op. in 4 volumes, Vol.4. M: Thought, 1983. 829 p.
2. Vozilov V. V. Omnism and Nihilism: Metaphysics and historiosophy of the intelligentsia of Russia. Ivanovo: Referent. 2005. 412 p.
3. Gershenzon M. O. P. Ya. Chaadaev. Life and thinking. St. Petersburg: type. M. M. Stasyulevich. 1908. 325 p.
4. Zenkovsky, V. V. History of Russian philosophy. Vol. 1. M.: Higher School. 1991. 196 p.
5. Karsavin, L. P. Fundamentals of politics. Russia between Europe and Asia: The Eurasian Temptation / ed.-comp.: L. I. Novikova, I. N. Sizemskaya. M.: Nauka. 1993. pp. 174 – 216.
6. Kozhinov, V. V. The Victories and Troubles of Russia. Moscow: Eksmo-Press. 2002. 573 p.
7. Levitsky, S. A. Essays on the history of Russian philosophy. Moscow: Canon. 1996. 496 p .
8. Losev A.F. History of ancient aesthetics. High classics. Moscow : Iskusstvo, 1974. 599 p.
9. Lotman Yu.M. On the concept of "history as a text"// The structure of a literary text, Moscow: 1970. pp.265-280.
10. Malchukova T.G. Ancient and Christian traditions in the depiction of man and nature in the works of A.S. Pushkin. Petrozavodsk : Publishing House of PetrSU, 2007. - 483, [2] p.
11. Pseudo-Longinus. "About the sublime." Translation, articles and notes by N.A. Chistyakova. Moscow-Leningrad: Nauka Publishing House, 1966. 150 p.
12. Chaadaev P.Ya. Essays M: Pravda, 1989. 655 p.

RECEPTION OF ANCIENT AESTHETIC CATEGORIES IN PYOTR CHAADAYEV'S FIRST "PHILOSOPHICAL LETTER"

SUVOROVA
Irina

*Doctor of Culturology,
Professor of the Department of Philosophy and Cultural
Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, suvormih@list.ru*

Keywords:

Chaadayev
ancient philosophy
Plato
Aristotle
sublime
base
mimesis

Summary:

The relevance of the study is due to the need for an aesthetic analysis of a famous journalistic work of Pyotr Chaadayev, which in the history of philosophy has been studied in detail from the ethical, epistemological, ontological, and theological perspectives, but the aesthetic aspect has been overlooked. The problem of identifying the reception of ancient aesthetic categories in the most famous Russian philosophical letter of the first half of the 19th century is associated with a change of cultural eras and is of interest in terms of preserving the content of the categories of aesthetics that was laid down by Plato and Aristotle. The research methodology includes the text analysis method and the comparison of the content of aesthetic categories of ancient philosophers and Chaadayev. The study revealed that Chaadaev in his letter uses the reception of the Socratic dialogue, adapted for his time, which suggests the author's commitment to ancient traditions. Chaadaev's most popular aesthetic categories are the sublime and the base, as well as mimesis (he uses the word "imitation" in his letter). As a result, it turns out that while characterizing Western European culture the philosophical letter's author correlates it with the category of the sublime, which is close in content to the sublime of the Platonists and Pseudo-Longinus. The opposite category of the base in the Aristotelian interpretation, from Chaadaev's point of view, best describes Russian history and culture. According to the results of the comparison, the reason for such a bitter picture of domestic existence found by the author seems logical - it lies in the mimesis or imitation, which in Chaadaev's definition clearly manifests the traces of both Platonic and Aristotelian meanings. As a result, the letter obviously demonstrates the reception of ancient aesthetic categories. However, it can be noted that the entire composition of the work is built on the contrast between the sublime and the base. It was this contrast that created the plot conflict of the letter, which caused a stir among the nineteenth-century readers and leaves no one indifferent to this day.

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ПРОТЕСТА 2017-2020 ГОДОВ (ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

**ГАВРИКОВ
АНДРЕЙ
ВАЛЕРЬЕВИЧ**

аспирант,
Институт социологии Национальной академии наук
Беларуси, Отдел политической социологии и
социологии права,
Минск, Республика Беларусь, gavrikov.1990@inbox.ru

Ключевые слова:

Общественное мнение
акции прямого действия
политическое участие
политический протест
политические технологии

Аннотация:

Целью статьи является анализ политического раскола населения Республики Беларусь и связанных с ним проблем и перспектив преодоления электорального кризиса. Актуализация данной проблематики обусловлена стремительными социально-политическими изменениями общественного мнения в 2017–2020 годах. На основе вторичного анализа эмпирических данных информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, Института социологии НАН Беларуси, ЦИСПИ БГУ, а также Социологической лаборатории ГГТУ им. П. О. Сухого проведен мониторинг политического намерения участия населения в политической жизни страны в 2017–2020 годов, а также отношения населения к важнейшим политическими событиями 2017–2020 годов. Отмечен быстрый уровень политизации населения. В рамках исследования выявлена применимость теории рационального выбора к политической трансформации белорусского общества, исследованы тенденции политического поведения при советующих ответных действиях правительства на акции прямого действия.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 02 ноября 2022 года

Опубликована: 03 ноября 2022 года

Реальная практика реформирования постсоветских и постсоциалистических государств наглядно продемонстрировала, что простой выход за пределы устаревших политических норм для того, чтобы стать такими же, как развитые демократии, весьма сложен и находится по многим позициям в состоянии политического антагонизма в постсоветских странах. Как заметили белорусские социологи В. В. Кириенко и В. В. Клейман, «В результате наступает такое несоответствие между предполагаемыми социальными целями и полученными результатами. В таком случае не отдельный человек, а общество в целом вынуждено жить в двух мирах: в одном – „правильном“, но нереальном, и во втором – „неправильном“, но реальном» [1, с. 102].

Уровень политического участия населения в политическом поле Республики Беларусь между избирательными кампаниями в 2015–2019 годах, несмотря на некоторые всплески гиперактивности части населения, был не высок – на уровне 3–5 %, что в соответствии с концепцией английского социолога Г. Бэнга (используемой зарубежными социологами для замера политической активности

населения) для страны с населением 8–10 млн является не большим.

Важными фактором роста политического напряжения стали политические протесты, изначально выражавшие интересы локальных групп, а затем перешедшие на национальный масштаб.

У политического протеста есть множество определений, нами использовалось определение, данное российским политологом Е. В. Ефановой: «протест – это политическое поведение, форма участия личности и/или общности в осуществлении политической власти, защите своих политических интересов через действие или бездействие» [2, с. 32].

Украинский социолог Е. В. Лисеенко рассматривает политический протест в ракурсе того, что участие в политическом протесте населения имеет различные формы, которые проявляются как на вербально-эмоциональном, так и на инструментальном уровнях. «На вербально-эмоциональном уровне политическое участие характеризуется, прежде всего, определенной степенью общего интереса граждан к происходящим в стране политическим событиям, степенью и характером политической информированности и политической компетентности. Инструментальный уровень представляет собой другую сторону политического участия, связанную с активной политической деятельностью граждан. К формам проявления этого вида политического участия относятся такие действия граждан, как участие в выборах, участие в акциях протеста/поддержки (демонстрациях, митингах, забастовках, голодовках), членство в политических и общественных организациях, обращение в различные государственные и общественные инстанции и т. д.» [3, с. 282].

За основу нами была взята классификация польского социолога Е. Вятра:

1) Активисты – «субъекты сильно заинтересованы в политике, их политическая активность осуществляется на разных уровнях и в разных сферах».

2) Наблюдатели – «субъекты, заинтересованные в политике, активно изучают новости, однако не принимают прямого участия в политической жизни».

3) Критики. «От наблюдателей отличаются критики, обладающие высокой осведомленностью о политических реалиях, однако также активно обсуждающие, критикующие проводимый властью курс».

4) Пассивные участники. «Данные субъекты политики обычно не выражают активного интереса к политической жизни, не участвуют в политических акциях, однако могут участвовать в качестве избирателей в выборах, а также выражать недовольство, если политика власти будет активно противоречить их интересам и влиять на уровень жизни».

5) Аполитичные. «В отличие от пассивных участников, аполитичные субъекты могут активно выражать свою позицию против политики, дистанцироваться от нее, чтобы не принимать в ней никакого участия». [4, с. 331]

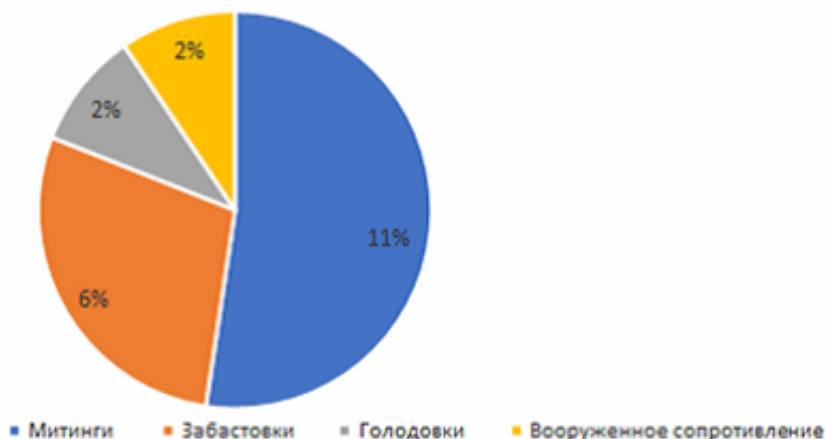
Согласно последним социологическим данным ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь, касающихся исследования социально-политических институтов и политического участия населения, уровень доверия политическим институтам был достаточно высок, однако практически никак не был проявлен в реальном участии населения в деятельности этих институтов, которые, как показали последующие события, не имели практически никакого влияния на политические изменения в национальном масштабе, и население было представлено в большинстве наблюдателями, критиками, пассивными участниками и аполитичными.

В 2017 году:

- 47 % респондентов выразило доверие политическим партиям, поддерживающим правительство;
- 10 % – оппозиционным партиям;
- профсоюзам, входящим в ФПБ – 51 %, не входящим в ФПБ – 20 %, и БРСМ – 50,5 %, и РОО «Белая Русь» – 34 % (1).

По данным ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь (выборка 1414 человек) в 2017 году респондентами были поддержаны следующие не согласованные с властью акции протеста прямого действия:

Акции прямого действия поддержанные респондентами в 2017г.

Исследуя несанкционированные публичные мероприятия февраля-марта 2017 года, направленные против Декрета Президента Республики Беларусь № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», ЦСПИ БГУ проанализирована выборочная совокупность 2500 респондентов (1500 – весенний замер и 1000 – осенний), охватившая 94 населенных пункта. Ошибка репрезентативности – 2,2 % весной и 2,55 % осенью, показатель недостижимости составил 19 %.

Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к акциям протеста, которые проходили в городах Беларуси в марте 2017 года?» в (%)

Переменная	Процент
Положительно	12,0
Скорее положительно	22,4
Скорее отрицательно	17,5
Отрицательно	27,0
Безразлично	18,3
Нет ответа	2,8

Такой разброс мнений показывал потенциальный рост поддержки акций прямого действия в дальнейшем, минуя участие в институциональной политической борьбе (в политических партиях, общественных объединениях организациях), что нашло свое отражение в событиях после 9 августа 2020 года в массовых акциях протеста.

Политическое поле страны 2017–2019 годов находилось в состоянии умеренной стабильности, в которой никакого внимания не привлекли к себе выборы в местные советы депутатов 2018 года. В такой ситуации в 2019 году главным политическим событием являлись парламентские выборы. По данным мониторинга 2019 года, выборка 1188 человек ГНУ Института социологии НАНБ показала: 34 % респондентов считали эти выборы важным или скорее важным событием в стране, в то время как 42 % не считало данное событие важным, что показывает приоритет президентских выборов как главного политического события 2017–2020 годов, которому уделяло наибольшее внимание население, и каких-либо политических изменений в трансформацию политического поля парламентская кампания не привнесла (2). Подтверждением того, что большинство граждан уделяло больше внимания президентской кампании, является то, что большинство респондентов по социологическим исследованиям ГНУ Института социологии 2019 года не знало своего депутата – 93 % и 89 % населения не могло оценить его работу, что вызывает высокий уровень неопределенности политического поведения: 89 % респондентов не смогли ответить на вопрос, будут ли они голосовать за действующего депутата в предстоящей парламентской кампании (3).

В Гомельской области для защиты нарушенных политических прав респонденты выбрали в основном легальные методы отстаивания своих интересов. Акции прямого действия в несанкционированных демонстрациях, митингах, пикетах – в качестве безусловной меры – выбрал 1% респондентов и 19 % – в зависимости от обстоятельств (4).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы возможным для себя предпринимать следующие действия в случаях отсутствия возможности голосовать, отстаивать свое политическое мнение, нарушения прав человека», июнь 2020 г. в %

В апреле 2020 года, по данным ГНУ Института социологии, ситуация в стране оценивалась респондентами как напряженная – 12,9 % и скорее напряженная, в то время как стабильную или скорее стабильную ее характеризовало 30 % респондентов (5).

Электоральное ожидание от избирательной кампании было весьма скептическим: ожидалось, что она существенно или скорее улучшит ситуацию в стране – 6,6 % и 22,7 % ожидало скорее ее ухудшения или существенного ухудшения, и 47 % респондентов не могло ответить на этот вопрос. На фоне такой политической обстановки 53 % ощущало или скорее ощущало социальную напряженность в стране (6).

Уже в мае 2020 года в Беларуси начались акции протеста в связи с президентской кампанией. По данным ГНУ Института социологии НАН отрицательно к досрочным выборам относилось 23,9 % и безразлично 25,2 %, в то время как положительно – 15,4 % и скорее положительно – 7,2 % (7).

С 9 августа 2020 года ситуация в стране характеризуется как политически неустойчивая. Впервые за долгое время политические вопросы в ответах респондентов преобладают над экономическими, социальными, культурными и др. Вопрос личной безопасности себя и близких волнует 39,2 %, внешняя угроза целостности Республики Беларусь 23,7 %, Применение непропорционально жестоких мер в отношении митингующих и задержанных – 40,4 % Разделение общества на своих и чужих – 34,7 %, в то время как эпидемиологическая ситуация в стране волнует 30,2 %, угроза потери работы – 8,8 %, характер взаимоотношений в семье – 7,9 % (8).

Несмотря на то, что доминирующее количество респондентов не допускало участия в акциях прямого действия, 10,2 % были готовы участвовать в санкционированных властью демонстрациях и митингах, не допускали – 75,6 % и 14,1 % не могли ответить. Результат в значительной степени не оправдал социологические ожидания, чему могут быть подтверждения события 16–25 августа 2020 года (9).

В несанкционированных акциях прямого действия свое участие допускало лишь 3,8 %, 84 % не допускало своего участия в несанкционированных акциях, при этом в апреле 2020 года 34 % респондентов ответили, что не интересуются политикой (10).

Последние события показывают, что сегодня Беларусь находится в сложной поствыборной ситуации, требующей безотлагательной реализации мер по разработке и реализации политической и

социально-экономической стратегии, способной дать мощный импульс развитию общества и государства. Все большее количество граждан начинает осознать, что без серьезных экономических и политических реформ страна вряд ли выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. В результате требование умеренной стабильности сменилось требованием прорывных изменений, которые затронут не только социально-экономическую, но и политическую сферу: 55,5 % респондентов интересуется именно внутренней политикой страны, в то время как внешняя политика страны волнует 23 % респондентов (11).

Так, например, 27 % населения видят страну в статусе нейтральной державы, 18,5 % – членом в ЕС и 15,7 % – членом в ЕАЭС, что также делает вопрос внешней политики важным для нивелирования политической ситуации внутри страны (12).

В период 2010–2020 годов в Республике Беларусь заметно активизировалась политическая коммуникация через интернет между различными политическими силами страны. С 2000 года постепенно происходит виртуализация политической активности электората в стране и смещение ее с традиционных форм (участие в выборах, митинги, дебаты, пикеты, публичные выступления и др.) к виртуальным формам (создание групп в социальных сетях, интернет-сайтов, создание тематических каналов и политических форумов, а также политический блогинг).

Стоит заметить, что традиционное политическое поле модернизируется. Тенденции роста интереса к интернету и социальным сетям заключается в том, что пользователей в сети интернет становится все больше, и их социально-политическая активность в интернете увеличивается практически у всех возрастных категорий (особенно у молодежи).

Современная публичная политика также становится все более и более медиатизированной и виртуальной. СМИ становятся воплощением четвертой ветви власти и практически монополизируют функцию поставщика информации об объективной реальности, в результате чего СМИ самостоятельно начинают формировать модели представления об окружающем мире и модели отношения к нему реальности.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто Вы пользуетесь Интернетом», в %

	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Ежедневно	91,7	81,2	37,2
Не реже 1-2 раз в неделю	5,7	10,3	10,2
Не реже 1-го раза в месяц	1,1	0,8	2,7
Никогда	1,5	7,6	49,9

Источник: Ежегодный мониторинг Института социологии НАН Беларуси в 2019 г., проведенный по республиканской выборке, репрезентативный по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта (N = 2 126).

При освещении акций протеста в Белоруссии была заметна поляризация СМИ в зависимости от принятия или непринятия официальной позиции белорусских властей. 29 августа 2020 года МИД Беларуси лишил аккредитации корреспондентов «Би-би-си», «Радио Свобода», ARD, «Франс пресс», «Рейтер» и «Ассошиэйтед пресс», Deutsche Welle и RFI. Это подтолкнуло значительную часть населения к получению альтернативной информации из сети Интернет.

В Беларуси в сети Интернет широко практикуют политические активисты (преимущественно из молодежной среды), которые используют интернет-пространство для:

- создания и тиражирования политической информации в рамках персонального контента (блоги, чаты, форумы, сайты) и рассылки ее политическим сторонникам, СМК, в адрес политических партий и органов государственной власти;
- участия в блогах, чатах, форумах и конференциях политических партий, некоммерческих организаций (в части политических вопросов), представителей государственной власти, политических лидеров, депутатов;
- участия в подписях петиций;
- участия в выработке политических программ, законодательных инициатив, проектов политических решений и других;
- участия в виртуальных съездах партий;
- организации действий своих сторонников для реализации в виде реальных политических действий (митинг протеста или поддержки, подача петиций, забастовки, политические акции).

На наш взгляд, рост политической коммуникации в интернете обусловлен:

- отсутствием государственного регулирования деятельности в сети Интернет на законодательном уровне;

- легкостью для индивида входа и выхода в это поле;

- возможностью легкого сопоставления политических событий в стране и их обозрения с альтернативных позиций на разных интернет-ресурсах и высказывания своего мнения;

- относительной безопасностью при участии в политической борьбе при использовании сети Интернет;

- повсеместное внедрение сети Интернет позволяет вынести на новый уровень взаимодействие государства и общества, мобилизацию людей для решения существующих проблем (внедрения системы «активный гражданин», подпись петиции, интернет-правительства, электронная демократия, информационное общество и др.)

По последним социологическим исследованиям происходит тенденция виртуализации политической коммуникации, которой способствуют:

- приход политических лидеров в соцсети, общественных политических движений и организаций;

- развитие политического блогинга как нового вида политической коммуникации;

- в Беларуси активно развивается политический блогинг в социальных сетях и видеохостингах (на данный момент в стране около 15 блогеров, имеющих не менее 50 тыс, подписчиков);

- популярность социальных сетей среди молодежи;

- развитие мобильного интернета.

Часто страницы политических лидеров партий, общественных объединений и движений, а также публичных людей имеют от 1 тыс. до максимального количества подписчиков по возможности соцсети.

В Беларуси доминирующее число блогов также можно рассматривать как альтернативную СМИ систему. Белорусский Интернет поляризован, но нельзя отрицать факт особого влияния блогосферы на формирование общественного мнения. Имеются многочисленные примеры, когда сообщения в блогах становились следствием серьезных процессов, происходящих в обществе, или следствием возникшего резонанса по актуальной проблеме. В качестве примера можно привести последние политические события, которые отражались в блогах и социальных сетях и способствовали росту активного участия как оппозиционного настроенного, так и провластного электората.

Блоги – серьезный инструмент для развития связей с общественностью. Вместе с тем, блогосфера не может гарантировать качество информации, достоверность фактов. Блоги – это новая платформа для коммуникации и диалога, для создания собственных PR-проектов в Сети, «умного» СМИ (13).

Корреляция по возрасту молодежи Республики Беларусь, получающей информацию из сети Интернет, по данным опроса 2019 года ГНУ Института социологии НАН (выборка 1300 чел.) выглядит так:

- до 20 лет – 94,1 %,

- от 20–29 – 92,5 %

- от 30–39 лет – 86,2 % (14).

По данным социологического исследования ГНУ Института социологии в сентябре 2020 года, социальные сети и мессенджеры занимают уверенно вторую (среди респондентов до 40 лет первую) позицию источников, из которых респонденты получают политическую информацию – уступая только телевидению – 40,4 % [6].

Происходит трансформация политической коммуникации и виртуализация политического пространства. Виртуализация политических отношений ориентирует индивида участвовать в политической жизни страны ситуативно, сводя к своему политическому присутствию в сети Интернет, что в свою очередь снижает роль старых политических институтов: политические партии, политические организации, группы давления и группы интересов. В постсоветских странах медиадемократия и политическая коммуникация активно продвигается в общественном сознании политтехнологами и политическими имиджмейкерами. По сути, для достижения политических целей необходимо использовать (новые политические коммуникации) в условиях медиатизации политического пространства в качестве инструментов управления социально-политической реальностью.

В 2020 году 70,2 % опрошенных ГНУ Институте социологии НАН респондентов интересуются или скорее интересуются политической ситуацией в стране, что является рекордным показателем политической заинтересованности белорусского населения за 30 лет (15).

С 8 сентября власти Белоруссии разработали план выхода из кризиса – изменение Конституции и проведение новых выборов в ближайшей перспективе.

По опросам октября 2020 года в стране 70,4 % населения считают ситуацию в стране

напряженной или скорее напряженной, 3,3 % надеется, что в ближайшее время она улучшится, напротив, 15 % – что существенно ухудшится, при этом 57,1 % респондентов не могут ответить на вопрос улучшится или ухудшится ситуация в стране. Участие населения в социально-политических институтах находится в пределах социологической ошибки: в деятельности политических партий принимает 0,4 %, в работе органов местного самоуправления – 1,1 %. По заявлениям органов власти сообщалось, что события в стране имеют сильное влияние из-за пределов страны (16).

Таким образом, перед Беларусью стоят сложные задачи, которые в любом случае должны быть решены, поскольку страна не должна выпасть из общемирового развития многопартийности и гражданского общества и общественного диалога. Сейчас наиболее важным является обеспечение прав человека, формирование эффективной и конкурентоспособной экономики, построение правового государства, создание действенной системы социальной защиты нетрудоспособных, совершенствование и адаптация к новым условиям систем образования и здравоохранения, организация решения экологических проблем и т. д. Одним из факторов, сдерживающих развитие партийного строительства в Беларуси, является то, что сегодня партии не представлены в органах реальной власти, которую осуществляет назначенное президентом и подотчетное ему правительство. Не имея представительства во властных структурах, они лишены возможности играть роль посредника, соединительного звена, коммуникативного моста между государством и обществом, стать, наконец, формой участия граждан в политических решениях и контроля над властью. Общество должно понимать, что и как нужно менять, чтобы двигаться вперед.

Примечания

1. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2017 г. информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2018. – 119 с.
2. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2019 г. – Материалы респуб. мониторингов (2018, 2019 гг.).
3. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. – Материалы респуб. мониторингов (2020 г. апрель-май).
4. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. – Материалы респуб. мониторингов (2020 г. август-сентябрь).
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. См.: Смирнов А. А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского союза. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 11-58.
14. См.: Кармызова. Д. Д. Использование цифровых технологий в белорусском обществе. / Д. Д. Кармызова. // Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 5-6 ноября 2020 г. / НАН Беларуси, Институт социологии; ред.кол. : Безнюк Д. К. (гл.ред.) [и др.]. – Минск: Медисонт, 2020. С. 97-100.
15. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. – Материалы респуб. мониторингов (2020 г., август-сентябрь).
16. Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириенко, В.В, Клейман, В.В. Стратегии протестного поведения жителей гомельской области. / В.В. Кирьянко, В.В. Клейман. // Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию

Института социологии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 5-6 ноября 2020 г. / НАН Беларуси, Институт социологии; ред.кол.: Безнюк Д. К. (гл.ред.) [и др.]. – Минск: Медисонт, 2020. – С. 102-104.

2. Ефанова Е. В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // *Власть*. 2011. № 8. С. 30-33.

3. Лисеенко Е. В. Политическое участие населения Украины: особенности, характер, формы // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. 2010. Вып. 16. С. 281-284.

4. Шестопа́л Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. - М.: Инфра-М, 2002. - 448 с.

1. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за, 2019г. - Материалы респуб. мониторингов (2018, 2019 гг.).

2. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за, 2020г. - Материалы респуб. мониторингов (2020г. апрель-май).

3. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за, 2020г. - Материалы респуб. мониторингов (2020г. август-сентябрь).

4. Кириенко, В.В., Клейман, В.В. Стратегии протестного поведения жителей гомельской области. / В.В. Кирьянко, В.В. Клейман. // *Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 5-6 ноября 2020 г. / НАН Беларуси, Институт социологии; ред.кол.: Безнюк Д. К. (гл.ред.) [и др.]. – Минск: Медисонт, 2020. – С. 102-104.*

5. Кармызова. Д.Д. Использование цифровых технологий в белорусском обществе. / Д.Д. Кармызова. // *Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 5-6 ноября 2020 г. / НАН Беларуси, Институт социологии; ред.кол.: Безнюк Д. К. (гл.ред.) [и др.]. – Минск: Медисонт, 2020. С. 97-100.*

6. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2017г. информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Под общ. ред. А.П. Дербина. - Минск 2018г. - 119 с.

7. Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества на 2016-2020гг./ А.Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. - Минск: БГУ, 2018. - 111 с.

8. Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского союза. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С.11-58.

REFERENCES

1. Archive SSI "Institute of sociology of the National Academy of Sciences of Belarus" for 2019. - Materials of the Republic. monitoring (2018, 2019).

2. Archive SSI "Institute of sociology of the National Academy of Sciences of Belarus" for 2020. - Materials of the Republic. monitoring (2020. April-may).

3. Archive of the National Research University "Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus" for, 2020g. - Materials of the republican monitoring (2020g. August-September).

4. Kiriienko, V. V., Kleiman, V. V. Strategies of protest behavior of residents of the Gomel region. / Traditions and prospects for the development of Belarusian sociology: to the 30th anniversary of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, November 5-6, 2020 / NAS of Belarus, Institute of Sociology; ed. Col.: Beznyuk D. K. (main ed.) [et al.]. - Minsk: Medisont, 2020. - pp. 102-104.

5. Karmyzova D. D. The use of digital technologies in Belarusian society. / Traditions and prospects for the development of Belarusian sociology: to the 30th anniversary of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, November 5-6, 2020 / NAS of Belarus, Institute of Sociology; ed. Col.: Beznyuk D. K. (main ed.) [et al.]. - Minsk: Medisont, 2020. pp. 97-100.

6. The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials of sociological research for 2017. information and Analytical Center under the Administration of the President of the Republic of Belarus. Under the general editorship of A. P. Derbin. - Minsk 2018. - 119 p

7. Modern Belarusian society: a sociological reading. BSU in the State Program of Scientific Research "Economy and Humanitarian development of the Belarusian Society for 2016-2020" / A. N. Danilov [et al.];

under the general editorship of A. N. Danilov, D. G. Rotman. - Minsk: BSU, 2018 -- 111 p.

8. Smirnov A. A. Ensuring information security in the conditions of virtualization of society. The experience of the European Union. Moscow: UNITY-DANA, 2015. pp. 11-58.

SPECIFIC NATURE OF PROTESTS IN BELARUS BETWEEN 2017 and 2020 (political and sociological aspect)

**GAVRIKOV
ANDREY**

*postgraduate,
Institute of Sociology of the National Academy of
Sciences of Belarus, Department of Political Sociology
and Sociology of Law,
Minsk, Republic of Belarus, gavrikov.1990@inbox.ru*

Keywords:

public opinion
direct actions
political participation
political protest
political technologies

Summary:

The purpose of the article is to analyze the political split of the population of the Republic of Belarus, the related problems, and the prospects for overcoming the electoral crisis. The relevance of this problem is due to the rapid socio-political changes in the public opinion between 2017 and 2020. Results of the secondary analysis of empirical data collected by the Information and Analytical Center under the Presidential Administration of the Republic of Belarus, the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, the Center for Sociological and Political Research of Belarusian State University, and the Sociological Laboratory of Sukhoi State Technical University of Gomel were used for the monitoring and exploration of the political intention behind the population's participation in their country's political life between 2017 and 2020, as well as the attitude of the population to the most important political events during these period. The study reported rapid citizens' politicization, revealed the applicability of the rational choice theory to the political transformation of Belarusian society, and examined the trends of political behavior in advising the government's response to direct actions.

УДК 316

МОЛОДЕЖЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ*

**ИЛЬИН
АЛЕКСАНДР
ЮРЬЕВИЧ**

*кандидат философских наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация, iljin63@mail.ru*

**РОЖНЕВА
СВЕТЛАНА
СЕРГЕЕВНА**

*кандидат политических наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
rozhneva@mail.ru*

Ключевые слова:

Великая Отечественная война
историческая память
молодежь
политическое сознание
регионы России
социологический опрос

Аннотация:

В данной работе анализируются результаты анкетного опроса студентов вузов, колледжей, школьников старших классов, полученные в ходе проведения социологического исследования в декабре 2019 – январе 2020 года.

В статье проводится сравнительный анализ аспектов восприятия событий и итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде по регионам современной России. Берется во внимание, что для нашей страны результаты и последствия военных действий 1941-1945 годов в массовом сознании усвоены как одна из важнейших интегрирующих ценностей, поддерживающая системность государства и способствующая национальному единству. С позиции исторической памяти о войне для выявления существующих тенденций в политическом сознании молодежи изучаются вопросы обучения и воспитания, в ходе которых у граждан в возрасте 18-30 лет формируется личностное отношение к событиям того времени. Анализируется восприятие молодежью ценностей патриотизма и национальной идентичности. Учитывается, достаточно ли данная группа информирована об объективности произошедших событий и итогов войны, и что воздействует на образность мышления современной молодежи.

В исследовании рассматриваются общероссийские тенденции, проявляющиеся в массовом сознании населения, относительно знания о Великой Отечественной войне, и то, как они отражаются в молодежной среде. Изучаются отдельные случаи в десяти субъектах Российской Федерации в пяти федеральных округах страны и отмечаются существующие социально-экономические и политические проблемы в регионах.

В результате сравнительного анализа делается вывод о трансформации в политическом сознании современной молодежи исторической памяти о Великой Отечественной войне и обозначается ряд опасных тенденций пересмотра исторических фактов в молодежной среде Российской Федерации.

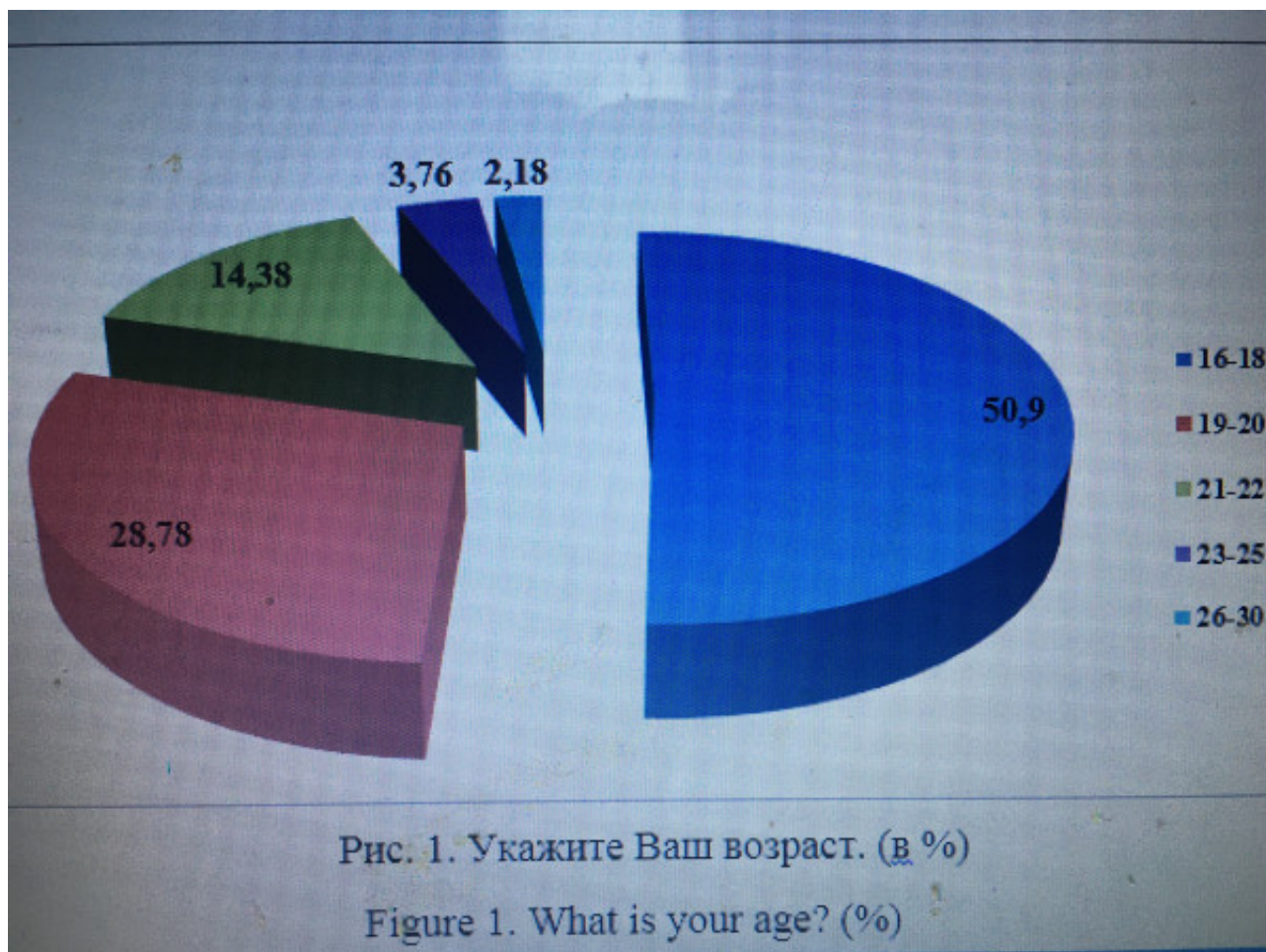
© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 03 ноября 2022 года

Опубликована: 03 ноября 2022 года

В настоящее время весь мир вспоминает о событиях и итогах Второй мировой войны, в которой участвовало 62 страны из 73 существующих на тот момент. Причем систематические опросы общественного мнения в разных государствах демонстрируют модификацию исторических фактов тех лет, когда не учитывается освободительная роль и значение армии Советского Союза в победе над фашизмом [2, 18, 17, 11 и др.]. В немалой степени вызывает озабоченность то, что и в Российской Федерации стали проследиваться подобного рода тенденции. Прошло более 80 лет со дня начала Великой Отечественной войны (ВОВ), однако в исследовательской среде на междисциплинарном уровне изучаются различные аспекты той военной эпохи. Актуализированными являются вопросы исторической памяти о ВОВ, поскольку события 1941–1945 годов для массового сознания граждан России пока еще выступают интегрирующей ценностью, сплачивающей нацию.

В то же время естественность демографических процессов заставляет вновь и вновь обращаться к анализу восприятия обществом итогов Великой Отечественной войны. Особую озабоченность вызывают те тенденции, которые проявляются в молодежной среде нашей страны. В декабре 2019 – январе 2020 года по инициативе Южно-Российского института управления (филиал РАНХиГС в Ростове-на-Дону), Ростовским региональным общественным советом проекта «Историческая память» в сотрудничестве с региональными отделениями Российского общества политологов было проведено социологическое исследование, в ходе которого опрашивали студентов вузов, колледжей, а также учащихся старших классов средних общеобразовательных школ в десяти субъектах Российской Федерации в пяти федеральных округах [3]. Экспертами было обработано 4585 анкет респондентов в возрасте от 16 до 30 лет. Хотя следует признать, что основная доля опрошенных – это жители страны от 16 до 22 лет (см. рис. 1).

По результатам проведенного исследования с февраля по апрель 2020 года в городах Ростов-на-Дону, Пятигорск, Таганрог, Челябинск состоялись Всероссийские научно-практические конференции с международным участием [4] и представлены итоги анализа полученных данных.

Однако в исследовательских работах по результатам проведенного опроса молодежи отсутствует комплексное сравнение данных по всем изучаемым регионам России относительно тенденций восприятия итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде. На восполнение этого пробела направлена настоящая статья.

Начнем с того, что работа с политическим сознанием всегда затруднительна из-за происходящих психических процессов. Существуют исследования, в которых изучается непосредственно молодежь [7, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 20 и др.]. Внимание к восприятию исторических событий данной возрастной группой обусловлено тем, что молодежь играет немаловажную роль в преемственности поколений. Впоследствии именно она становится транслятором исторического знания.

Применительно к такому факту истории нашей страны, как Великая Отечественная война, современная молодежь – это то поколение, которое, преимущественно, уже не застало в живых реальных участников событий 1941–1945 годов. Отметим, что многое зависит от характера системы воспитания и образования, доминирующей в России. Политическая социализация обучающейся молодежи в нашей стране идет под воздействием тех ценностей, которые транслируются ее агентами и институтами, что непосредственно отражается в элементах восприятия данной возрастной группой сравнительно недавних для страны в целом исторических фактов. В связи с чем целью настоящей статьи стал анализ особенностей восприятия молодежью событий и итогов Великой Отечественной войны как исторической памяти в сравнении с общероссийскими тенденциями.

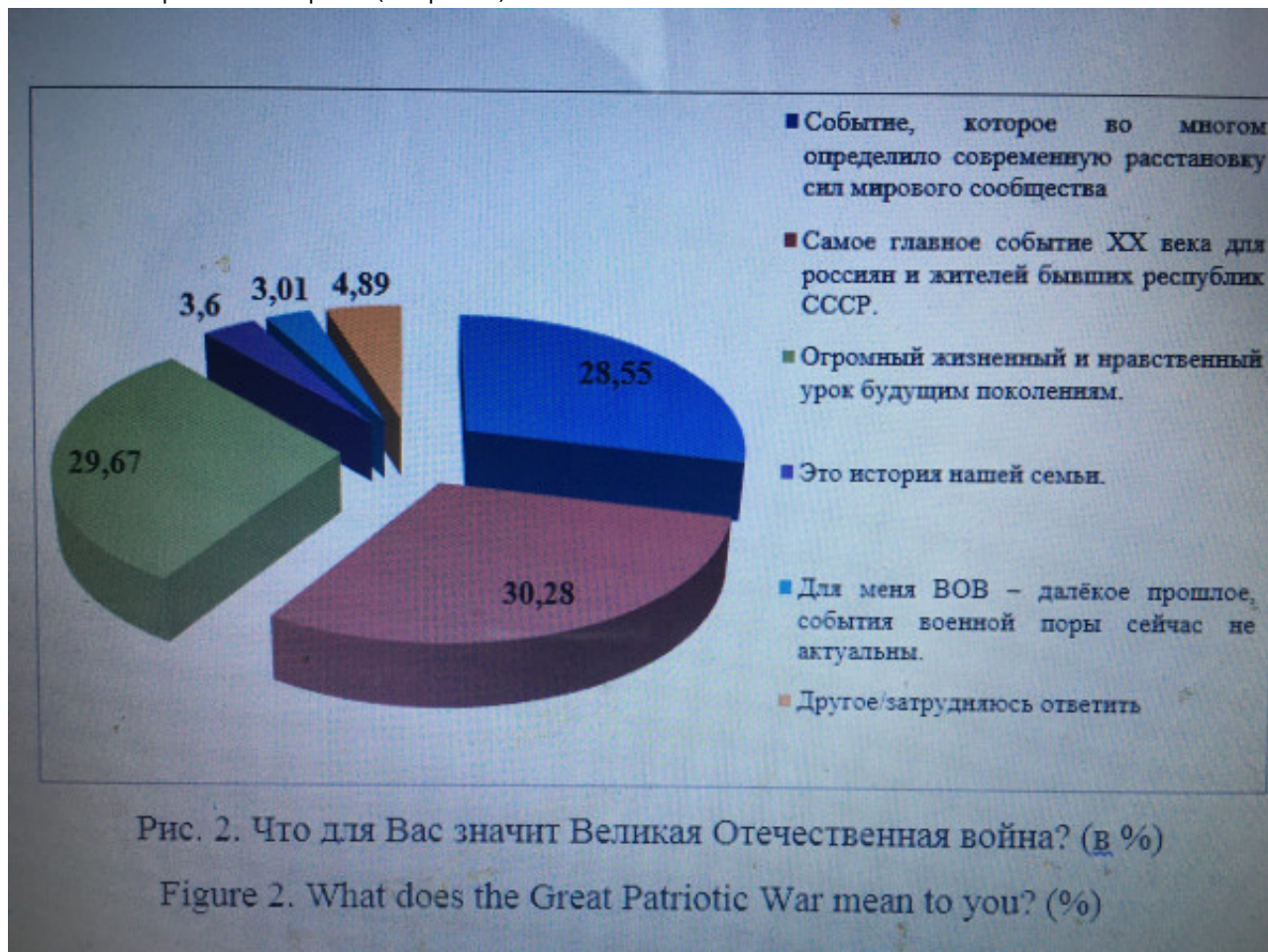
Следует признать, что полученные результаты социологического исследования 2019–2020 годов лишь отчасти можно распределять на генеральную совокупность по всей стране, т. к. в выборку попали только десять субъектов Российской Федерации. Однако выявленные в молодежной среде тенденции по пяти федеральным округам страны представляют научно-исследовательский интерес.

Респондентам в регионах России задавалось 30 вопросов о Великой Отечественной войне на

выявление их знания и сформированного отношения к данному историческому событию.

В контексте значения Великой Отечественной войны для современной молодежи (вопрос № 1) исследователями были определены пять базовых составляющих: 1. Событие, которое во многом определило современную расстановку сил мирового сообщества; 2. Самое главное событие XX века для россиян и жителей бывших республик СССР; 3. Огромный жизненный и нравственный урок будущим поколениям; 4. Это история нашей семьи; 5. Для меня ВОВ – далекое прошлое, события военной поры сейчас не актуальны.

Анализ полученных данных по субъектам Российской Федерации позволил посчитать среднее значение по регионам страны (см. рис. 2).

В итоге приблизительно равные доли респондентов отметили, что война – это «самое главное событие XX века», затем «жизненный и нравственный урок» и, наконец, «событие, определившее расстановку сил мирового сообщества». Причем, если смотреть конкретно по регионам, то подобную общероссийскую тенденцию демонстрируют только Тульская область и, в определенной степени, Ставропольский край, где большинство молодежи считает Великую Отечественную войну главным событием XX века, и равные доли респондентов отвечали, что война – это урок будущим поколениям и событие, повлиявшее на расстановку сил в мире [3: 123].

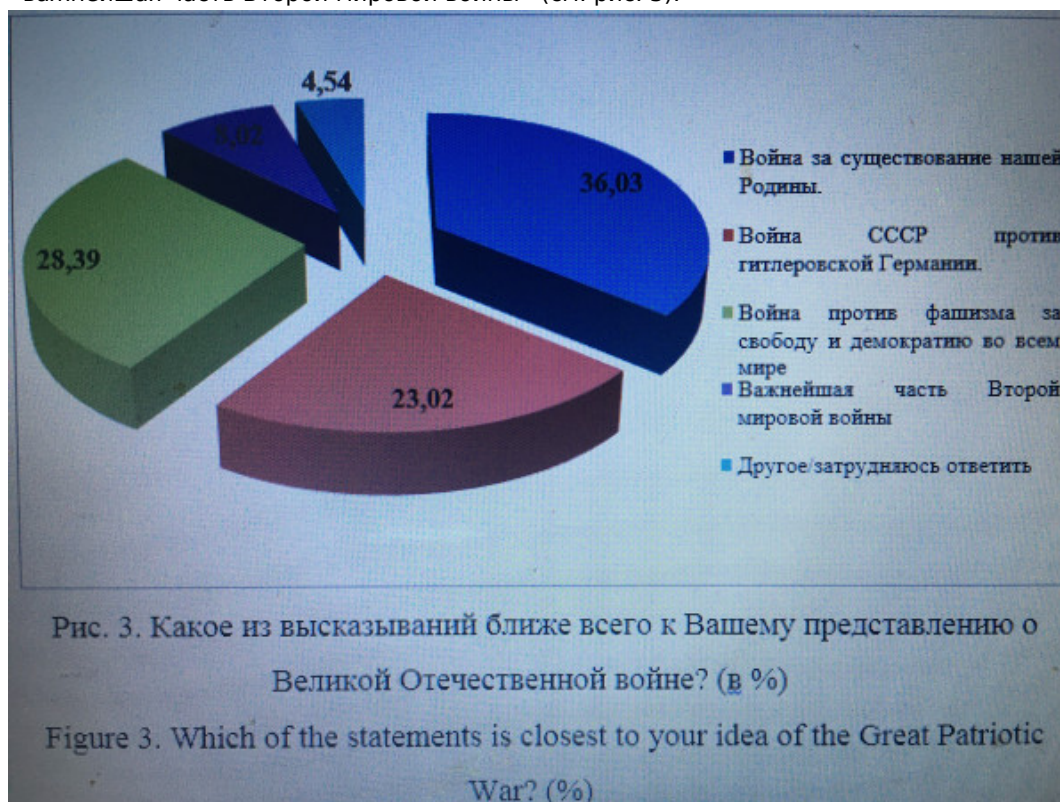
Примечательно, что именно случай Тульской области определяет данную тенденцию для страны. Больше четверти респондентов по всем субъектам Российской Федерации отметили, что Великая Отечественная война и ее итоги определили расстановку сил мирового сообщества. Однако в Тульской области только 6,82 % респондентов так считают [3: 139]. Полагаем, что это может быть связано с Тульской оборонительной операцией 1941 года, являющейся частью битвы под Москвой 1941-1942 годов. Видимо, в регионе система образования и воспитания акцентирует внимание молодого поколения на значимости данного события в период Великой Отечественной войны, действительно ставшего ключевым в разгроме планов противника и в стабилизации линии фронта на южных подступах к Москве, о чем свидетельствует 64,09 % респондентов Тульской области, которые считают, что Великая Отечественная война – «самое главное событие XX века для россиян и жителей бывших республик

СССР» [3: 139]. Такой же ответ давало большинство респондентов Северо-Кавказского федерального округа (1).

Однако анализ ответов по приоритетам показывает переориентацию ценностей в сознании молодого поколения относительно значимости Великой Отечественной войны в современных политических практиках. Так, например, в четырех субъектах Российской Федерации (Карелия, Коми, Ростовская и Челябинская области) молодежь считает, что Отечественная война 1941-1945 годов – это «огромный жизненный и нравственный урок будущим поколениям», в то время как в Москве, Волгоградской и Свердловской областях большинство респондентов полагают, что это «событие, которое во многом определило современную расстановку сил мирового сообщества».

Более того, вызывает опасение ответ, что «ВОВ – далекое прошлое, события военной поры сейчас не актуальны». Так в семи из десяти субъектов Российской Федерации были получены такие ответы на этот вопрос, причем в Москве и в Волгоградской области так отвечал практически каждый десятый респондент. А в Свердловской области четверть опрошенных вообще затруднилась с ответом, что для них значит Великая Отечественная война. Опасность данного факта заключается в том, что происходит потеря исторически значимой интегрирующей ценности для единства Российского государства, каковой пока является Великая Отечественная война.

В этом ключе релевантными были ответы на вопросы относительно тех представлений, которые уже сформулированы в сознании молодого поколения (вопрос № 10). В среднем по стране приоритеты респондентов выглядели таким образом: большинство считает Великую Отечественную войной за существование нашей Родины. Второе место занял ответ – «война против фашизма за свободу и демократию во всем мире», затем – «война СССР против гитлеровской Германии», и, наконец, что ВОВ – «важнейшая часть Второй мировой войны» (см. рис. 3).

Исходя из полученных данных, можно выявить тенденцию, что в сознании современной молодежи России Великая Отечественная война, в первую очередь, ассоциируется с чувством патриотизма и любви к Родине, на втором месте оказываются ценности свободы и демократии, достигнутые посредством преодоления фашистской агрессии со стороны гитлеровской Германии, и только в последнем случае война рассматривается с позиции международных отношений.

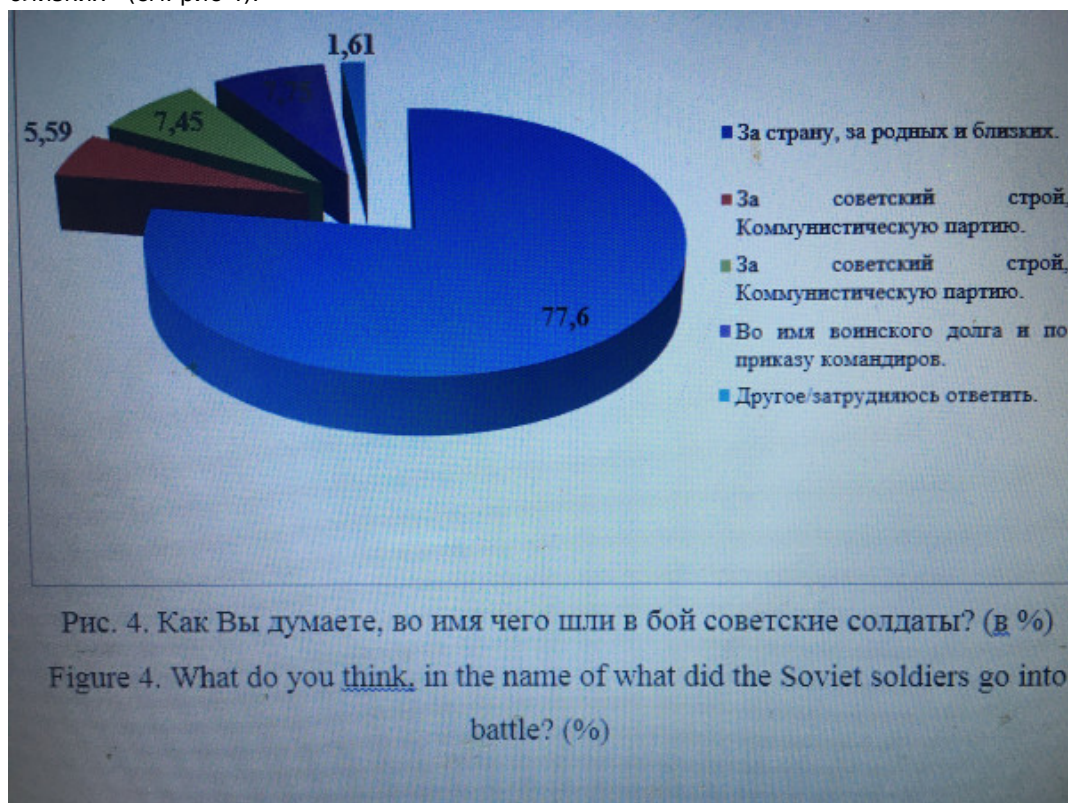
Сравнивая проявление этой общероссийской тенденции в молодежной среде и анализируя данные конкретно по изучаемым субъектам Российской Федерации, можно сделать ряд выводов. За исключением Тульской и Свердловской областей, у респондентов среди молодежи в сознании доминируют патриотические представления о Великой Отечественной войне, и на последнем месте

оказывается факт того, что эта война была частью Второй мировой. А вот случай Тульской и Свердловской областей обращает на себя внимание. Тем более, ответы респондентов в этих регионах в приоритетном соотношении распределились одинаково. В своих представлениях о ВОВ молодежь, в первую очередь, указывала, что это была война СССР против гитлеровской Германии, против фашизма за свободу и демократию во всем мире. Затем респонденты этих двух субъектов Российской Федерации отвечали, что Отечественная война 1941–1945 годов была важнейшей частью Второй мировой войны, и только на последнем месте оказался ответ, что это война за существование нашей Родины.

В связи с этим было интересно проанализировать ответы респондентов среди молодежи, какие мысли у них возникают, когда они слышат о Великой Отечественной войне, и насколько полученные результаты коррелируют с ответами на вопросы о патриотизме.

Изучение ответов респондентов на вопрос «О ком или о чем Вы думаете, когда слышите о Великой Отечественной войне?» (вопрос № 8) показало, что, в первую очередь, в сознании современной молодежи возникают образы о героических событиях военных лет (44, 24 %); 41,51 % опрошенных думает о победе над фашизмом в целом; 36,01 % – о судьбах фронтовиков; 30,62 % – о сверстниках, воевавших на фронтах войны, в партизанских отрядах, трудившихся в тылу; 27,23 % – о том, что было бы со страной и освобожденными Красной Армией от фашистов странами, если бы мы не победили; 25,28 % – о тех, кто переносил лишения в тылу и трудился на Победу; 20,32 % – о тех, кто оказался в фашистском плену; 12,26 % – о тех, кто жил на территории, оккупированной фашистами. И здесь вновь любопытным становится случай Тульской области, в сознании 33,64 % респондентов которой не возникает никаких мыслей, когда они слышат о Великой Отечественной войне [3: 141].

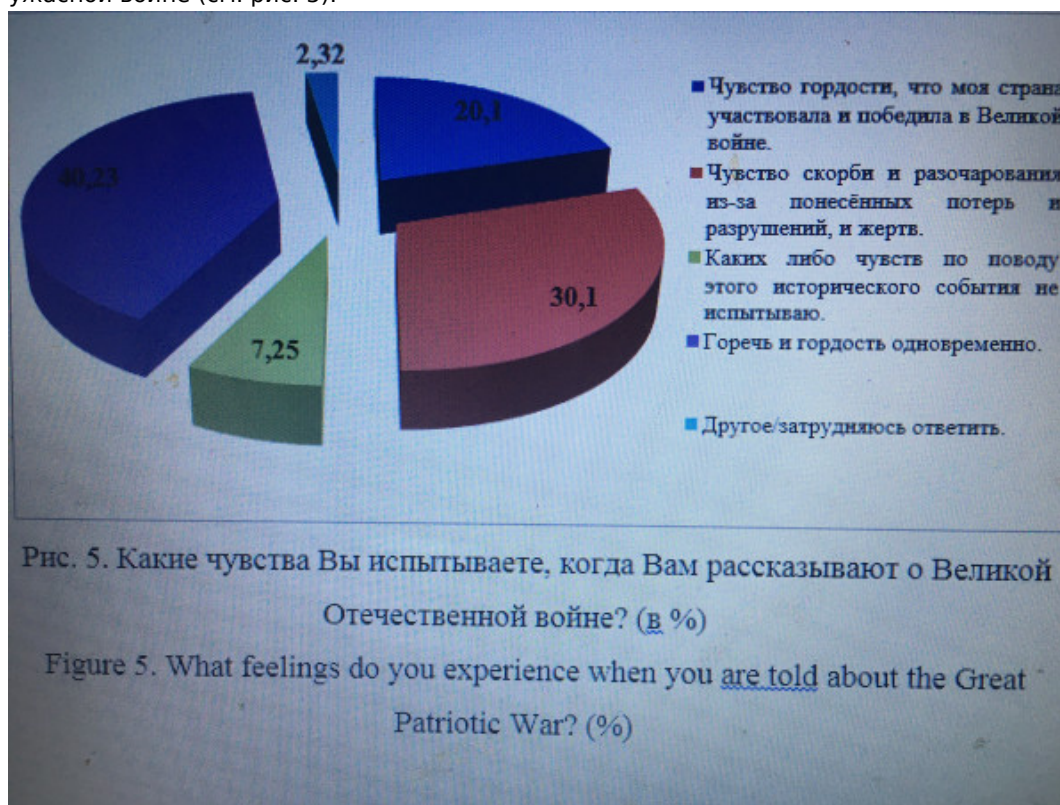
Подтверждением общероссийских тенденций относительно восприятия итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде и выявления отдельных случаев в регионах Российской Федерации, была серия ответов, связанных с патриотизмом и тем, какие чувства испытывают респонденты, когда им рассказывают о войне. Патриотизм в сознании большинства россиян по-прежнему ассоциируется с чувством любви к Родине. Любая война становится причиной всплеска патриотических настроений нации. Отвечая на вопрос, во имя чего шли в бой советские солдаты (вопрос № 9), большинство изучаемых респондентов давали самый популярный ответ – «за страну, за родных и близких» (см. рис 4).

Однако в Тульской области, в сравнении со средними значениями по стране, так отвечало менее 50 % респондентов, и в три раза больше опрошенных отметили «во имя воинского долга и по приказу командиров» [3: 142]. Таким образом, у 1/5 части молодежи в данном субъекте РФ прослеживается в

сознании мысль, что советские солдаты шли в бой не за свою страну, не за родных и близких, а по приказу командиров. Это свидетельствует об элементах инфантильности в мышлении достаточно большого числа респондентов в центральном регионе страны, когда ответственность в принятии решений перекладывается на других людей.

Что касается формулировок вопросов и ответов о патриотизме в проведенном исследовании, то они имели весьма запрограммированный характер, т. к. акцентировали внимание респондентов на ассоциацию патриотизма с чувством гордости за свою страну (вопрос № 4). При этом оно естественным образом дополнялось чувством скорби, поскольку в каждой советской семье были погибшие в той ужасной войне (см. рис. 5).

В среднем по стране, если суммарно посчитать схожие ответы респондентов, то это будет 90,43 %. С позиции исторической памяти вызывают опасение ответы тех респондентов, которые не испытывают вообще никаких чувств по поводу событий Великой Отечественной войны. Причем суммарно в Северо-Западном, Центральном и Южном федеральных округах это почти каждый пятый опрошенный, а в Северо-Кавказском и Уральском – каждый десятый респондент.

В то же время во всех исследуемых субъектах Российской Федерации респонденты отвечали (вопрос 23), что такие качества как гордость за свою страну и любовь к Родине – это результат воспитания (см. рис. 6).

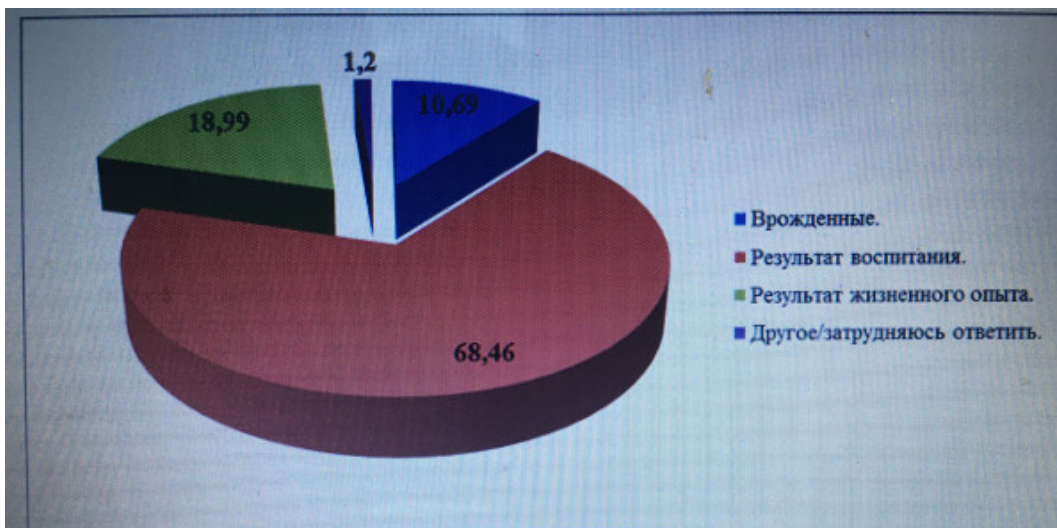

Рис. 6. Гордость за свою страну и любовь к Родине – это качества: (в %)
Figure 6. Pride for one's country and love for the motherland are qualities: (%)

Но при этом в сознании современной молодежи только третья часть опрошенных связывает патриотизм со своей Родиной, с Российской Федерацией, о чем свидетельствуют ответы на вопрос № 24 «Как Вы считаете, почему патриотическое воспитание молодежи всегда актуально и необходимо?» (см. рис. 7).

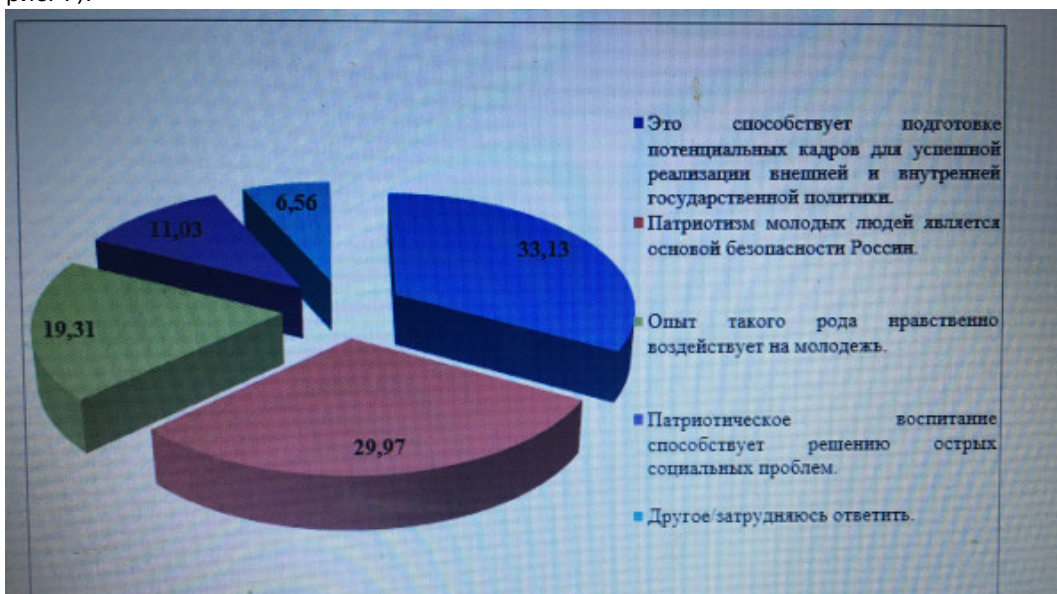

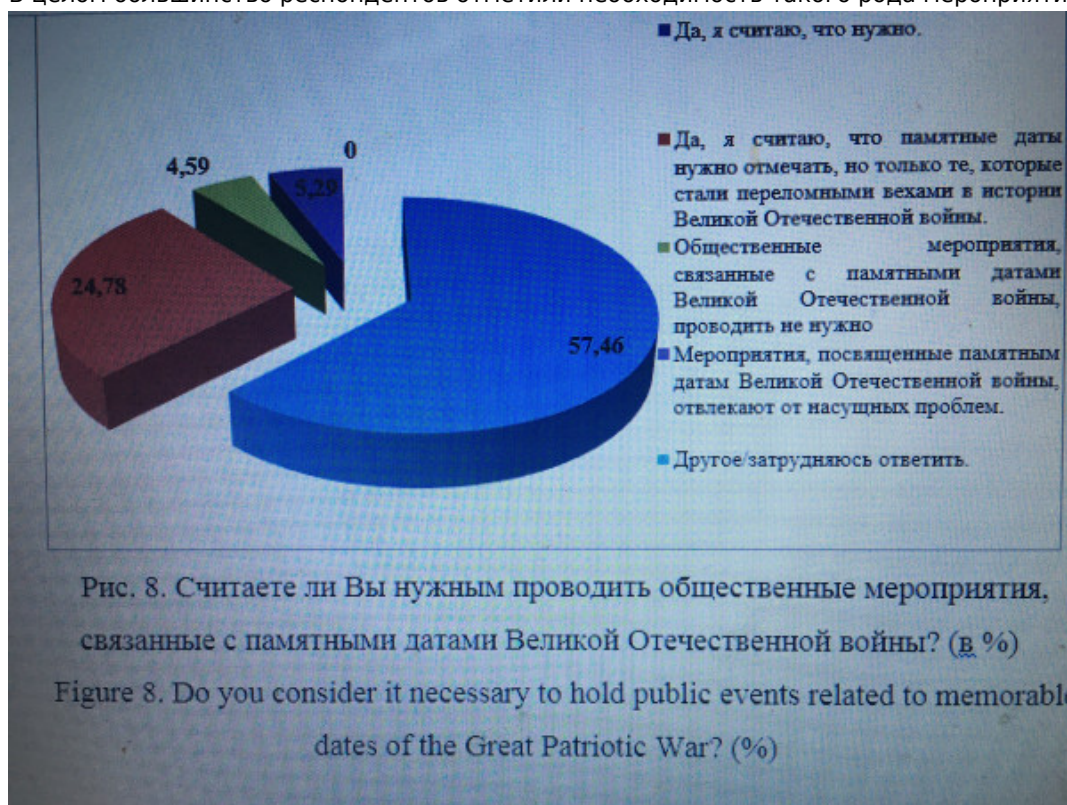
Рис. 7. Как Вы считаете, почему патриотическое воспитание молодежи всегда актуально и необходимо? (в %)
Figure 7. Why do you think the patriotic education of young people is always relevant and necessary? (%)

Полученные данные говорят о трансформации в политическом сознании молодежи знания о ВОВ

по сравнению с предыдущими поколениями. Этому способствует изменение условий самой молодежной среды в современной России и тех обстоятельств, с которыми она сталкивается. Применительно к восприятию итогов Великой Отечественной войны подобная тенденция может привести к модификации ценностей в стране, к потере государственной и гражданской идентичности со стороны молодежи, и, как итог, к многообразию социально-экономических и политических кризисов, вызываемых деятельностью данных акторов в современных политических процессах.

Подтверждение тому находим в полученных данных по всем субъектам Российской Федерации, когда респонденты отвечали, что патриотическое воспитание способствует решению острых социальных проблем. Суммарно в Южном федеральном округе так считает каждый четвертый (23,81 %), а в Уральском – каждый второй опрошенный (50,28 %). В последнем случае максимальная доля приходится на Свердловскую область, что является любопытным в контексте данного региона страны.

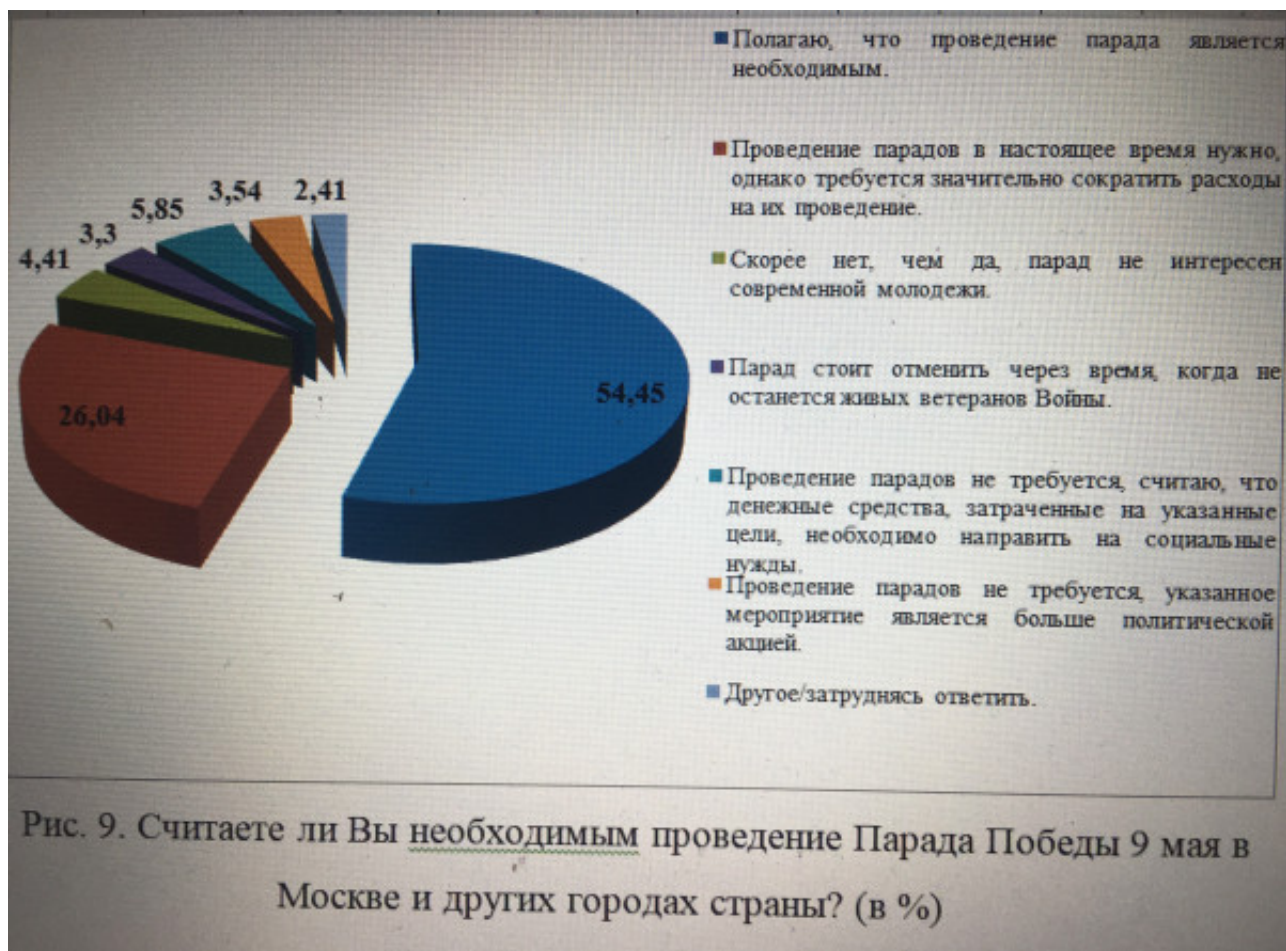
Молодость – это такой период в жизни человека, когда по многим параметрам меняется социально-ролевая структура личности. Достигая возраста совершеннолетия, в политической системе он становится одним из ее акторов, способным оказывать воздействие на происходящие процессы. Ретрансляция исторического наследия через привлечение молодежи на памятные мероприятия, проводимые в нашей стране, является важным направлением реализации политики в области культуры. Поэтому не менее интересными были ответы на вопросы о необходимости проведения акций, посвященных Великой Отечественной войне, особенно, Параду Победы 9 мая (вопрос № 13, вопрос № 15). В целом большинство респондентов отметили необходимость такого рода мероприятий (см. рис. 8).

Однако вновь обращает на себя внимание случай Свердловской области, где по сравнению с другими субъектами РФ даже суммарное значение двух первых ответов дает всего лишь 44 %, и почти каждый пятый опрошенный региона (18,67 %) считает, что мероприятия, посвященные памятным датам Великой Отечественной войны, отвлекают от насущных проблем [3: 103].

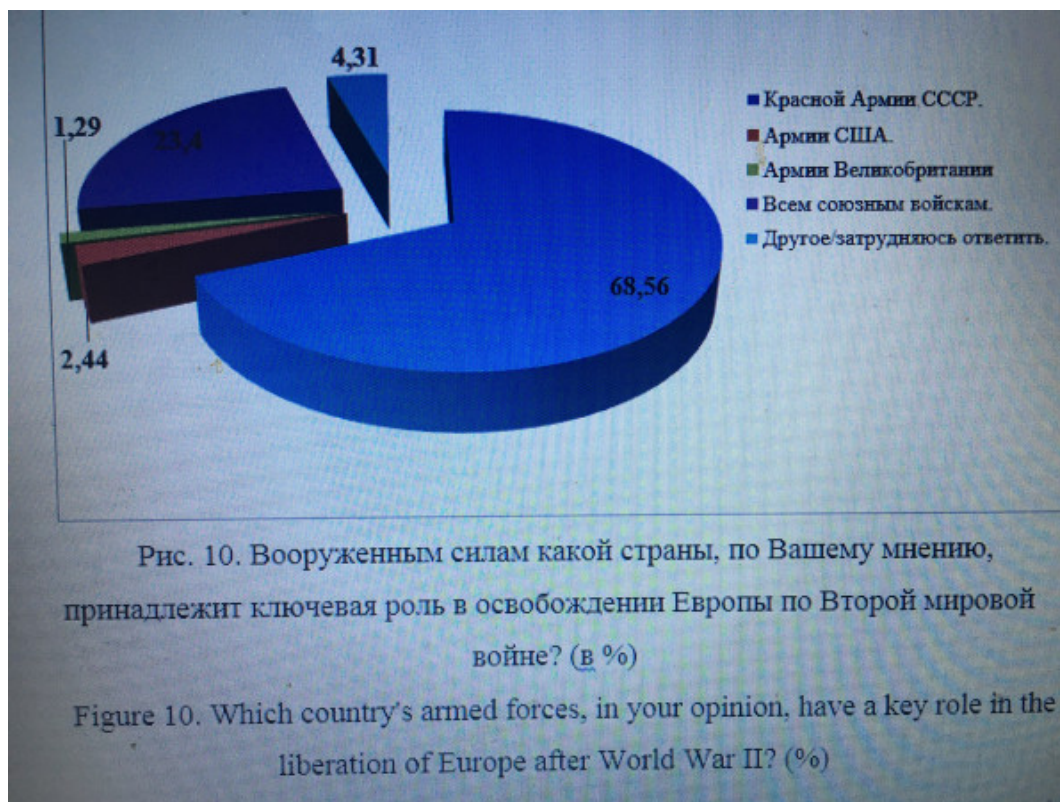
Более того, опросы общественного мнения показывают, что 69 % россиян считают самым главным праздником День Победы [1]. В то время как ответы респондентов, изучаемых в настоящем исследовании, показали, что в возрасте 18-24 лет молодежь на первое место ставит празднование Нового года, а не Дня Победы [12]. Тем не менее, изучая восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде в современной России в 2019-2020 годах, логичным был вопрос о необходимости проведения Парада Победы 9 мая в Москве и других городах страны.

В среднем по стране большинство респондентов отметили необходимость в данном мероприятии (см. рис. 9).

Однако вновь в Свердловской области 75 % опрошенных считают завышенными расходы на проведение Парада Победы в регионе [3: 104]. Тем самым подтверждается факт того, что по сравнению с другими субъектами РФ, молодежь в Уральском федеральном округе чаще других сталкивается с рядом социальных проблем, акцентирующих ее внимание.

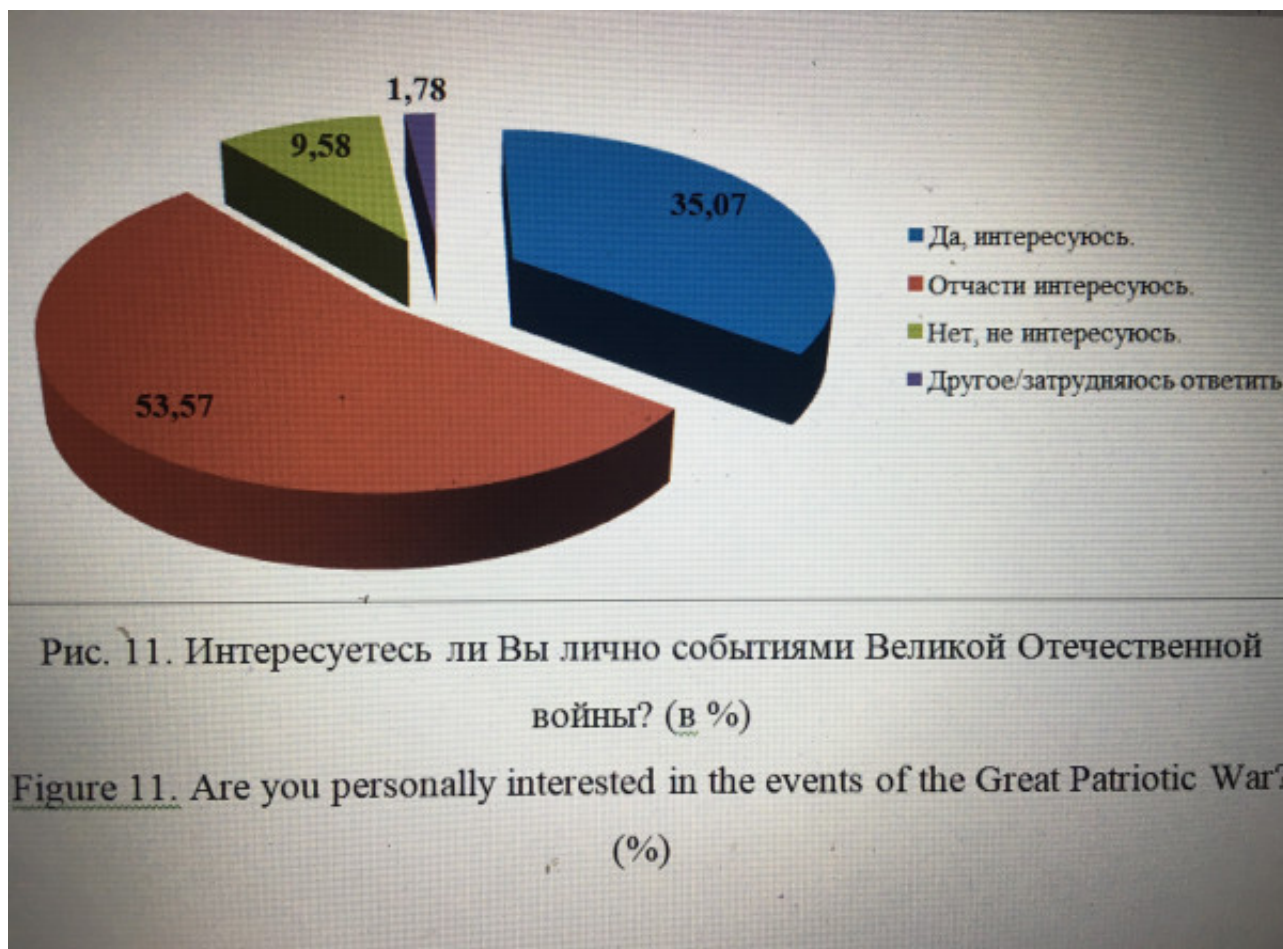
В то же время обращение в рамках настоящей исследовательской работы к ответам респондентов на вопрос № 21 «Вооруженным силам какой страны, по Вашему мнению, принадлежит ключевая роль в освобождении Европы во Второй мировой войне?» была отмечена намечающаяся опасная тенденция пересмотра исторических фактов в молодежной среде. Надо признать, что к настоящему времени большинство респондентов в России ведущую роль в освобождении Европы во Второй мировой войне отводят Красной Армии СССР (см. рис. 10).

Однако имеющиеся ответы, что это армии США и Великобритании, в семи из десяти изучаемых субъектах Российской Федерации свидетельствует об исследовательской напряженности по данному вопросу и проявляющихся рисках восприятия событий войны в сознании современной молодежи. Стоит отметить, что в молодежной среде России наблюдается ценностная модификация, вызванная пересмотром военных событий и ключевой роли ее акторов. Пока Великая Отечественная война воспринимается в массовом сознании как интегрирующая ценность, обеспечивающая связь между поколениями. И трансформация молодежного сознания, в котором стали проявляться отличные от предыдущих поколений ценности, вызывает опасность для единства и системности государства и происходящих в нем процессов.

В связи с этим в социологическое исследование была включена серия вопросов на выявление интереса среди молодежи к событиям Великой Отечественной войны. Причем речь велась как о личном интересе современной молодежи, так и об интересе со стороны общества, а также об актуальности последствий событий той войны для нынешних условий. Следует отметить, что во многом интерпретация исторического события в памяти зависит непосредственно от личного интереса к нему. Известно, что повышенный интерес наблюдается в том случае, когда он порождает положительные эмоции. Б. И. Додонов под интересом понимает «особую психологическую потребность личности в определенных предметах и видах деятельности как источниках желанных переживаний и средствах достижения желанных целей» [6: 159]. Интерес выполняет роль познавательного стимула [19: 31]. Однако вполне естественным образом у последующих поколений наблюдается спад интереса к прошлому, несмотря на то, что войны «всегда порождали повышенный интерес к истории» [19: 27]. Связано это с тем, что события прошлого для каждого последующего поколения все более и более отдаляются от реальности и начинают представляться «нередко как что-то загадочное, существующее само по себе, в нереальной социальной ситуации и времени» [19: 32]. Тем не менее, память о Великой Отечественной войне в нашей стране сохраняется как базовая ценность, способная не только интегрировать общество, но и осуществлять преемственность поколений. Потому некоторые полученные ответы респондентов среди молодежи вызывают озабоченность и привлекают внимание исследователей.

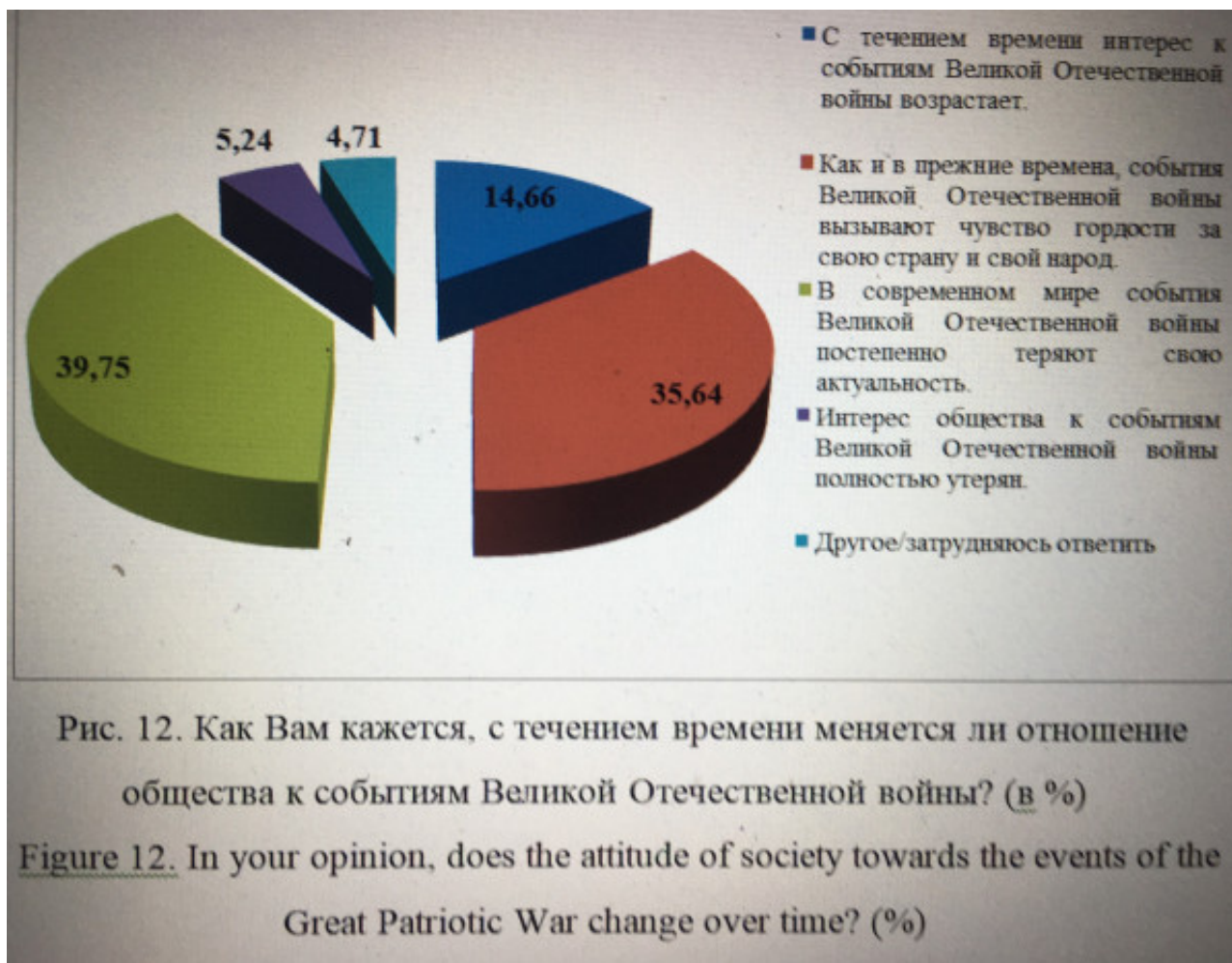
Подсчитав средние значения по пяти федеральным округам России и изучив ответы респондентов на вопрос № 2 «Интересуетесь ли Вы лично событиями Великой Отечественной войны?» (см. рис. 11), удалось выявить, что почти 60 % молодежи интересуются событиями войны лишь отчасти.

Вызывает озабоченность тот факт, что почти каждый десятый в России отвечал, что не интересуется теми событиями вовсе. В масштабах всей страны подобные результаты среди молодежи неутешительны, поскольку это демонстрирует, что между поколениями начинает утрачиваться связь преемственности. В будущем крайне опасным последствием этого может быть рост неонацистских и неонацистских организаций, деятельность которых представляет угрозу для конституционного строя Российской Федерации.

Если же обратиться к результатам исследования по конкретному субъекту РФ, то можно сделать следующие выводы. В целом, среди молодого поколения наблюдается ослабление интереса к событиям Великой Отечественной войны. В республиках Карелия и Северная Осетия-Алания, в Тульской и Челябинской областях разница в ответах респондентов между «да, интересуюсь» и «отчасти интересуюсь» увеличивается в 2-3 раза. За исключением Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов, в исследуемых субъектах которых достаточно высокий процент опрошенных отвечал, что они не интересуются событиями Великой Отечественной войны, а в Тульской области это был практически каждый пятый респондент.

Падение интереса среди молодежи к событиям войны 1941-1945 годов подтверждают результаты полученных данных в среднем по России на вопрос № 17 «Как Вам кажется, с течением времени меняется ли отношение общества к событиям Великой Отечественной войны?» (см. рис. 12).

Почти 40 % респондентов отметили, что в современном мире события Великой Отечественной войны постепенно теряют свою актуальность, а чуть больше 5 % опрошенных указали на тот факт, что интерес общества к настоящему времени полностью утерян.

Причем в пуле ответов был такой исследовательский фильтр, который акцентировал внимание молодежи на то, что ВОВ вызывает чувство гордости за свою страну и свой народ. И здесь вновь обращает на себя внимание случай Тульской области и ответы респондентов Ставропольского края, которые влияют на средние показатели в целом по стране.

Можно заметить, что по Северо-Кавказскому федеральному округу наблюдались ответы среди молодежи, что в сознании Великая Отечественная война интерпретируется как системообразующая ценность собственной идентификации с народом-победителем, демонстрируя тем самым общероссийскую тенденцию.

В Тульской области и в Ставропольском крае больше половины респондентов воспринимают события Великой Отечественной войны через сформированное агентами социализации чувство гордости за свою страну и свой народ. В то время как в Свердловской области мы наблюдаем нулевые значения по данному показателю и, практически, все респонденты региона говорили о потере актуальности событий войны (74 %) или полностью ее утраты (25 %) для настоящего времени [3: 104-105].

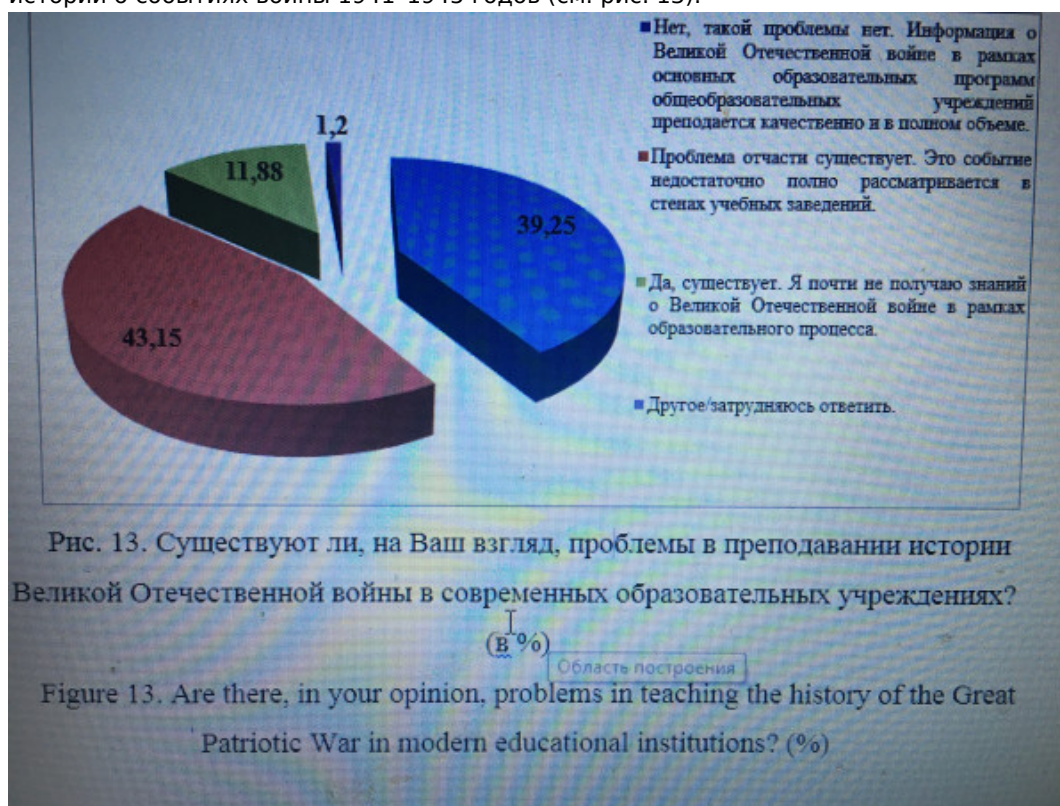
Тем не менее, современное общество подсказывает различные формы, посредством которых можно заинтересовать молодежь. В контексте исторической памяти, воздействие интернета, интерактивных площадок, ресурсы игровой и киноиндустрии, популярные в молодежной среде, позволяют воздействовать на сознание данного поколения. Об этом также свидетельствует анализ ответов респондентов на вопрос № 14 «Какое из перечисленных мероприятий/проектов о Великой Отечественной войне может Вас заинтересовать?». Исходя из полученных данных, следует отметить, что современная молодежь в России не является полностью индифферентной, и она поддается социализации, в ходе которой усваиваются знания о событиях и итогах Великой Отечественной войны через различные информационные ресурсы.

Если анализировать средние значения по стране и ранжировать предпочтения молодежи, то список выглядит следующим образом:

1. Интерактивная выставка с интересными фактами и анимацией – 51,30 %.
2. Патриотический фильм с захватывающим сюжетом – 51,27 %;
3. Благотворительные акции, совместная реальная помощь ветеранам и пожилым людям, посещения домов престарелых – 44,56 %;
4. Театральная постановка по указанной тематике – 28,85 %;
5. Музыкальный концерт «Песни Войны» – 18,17 %;
6. Стараюсь посещать по возможности все патриотические мероприятия – 9,81 %;
7. Мероприятия с данной тематикой мне не интересны – 8,50 %;
8. Затрудняюсь ответить – 2,97 %;
9. Другое (напишите, пожалуйста) – 0,49 %.

С одной стороны, это свидетельствует об образности мышления молодежи в восприятии памятной для государства информации. С другой – как объект социализации, современная молодежь поддается обучению посредством таких интерактивных форм, которые для нее являются более предпочтительными в вопросах продуцирования интереса к событиям и итогам Великой Отечественной войны. Таким образом, молодежь в России способна сохранять в своем сознании память о тех страшных событиях периода Второй мировой войны. И, с точки зрения проводимой политики, возможно предупреждать в молодежной среде различного рода действия, направленные на повторение ужасов войны 1941-1945 годов против граждан своей страны.

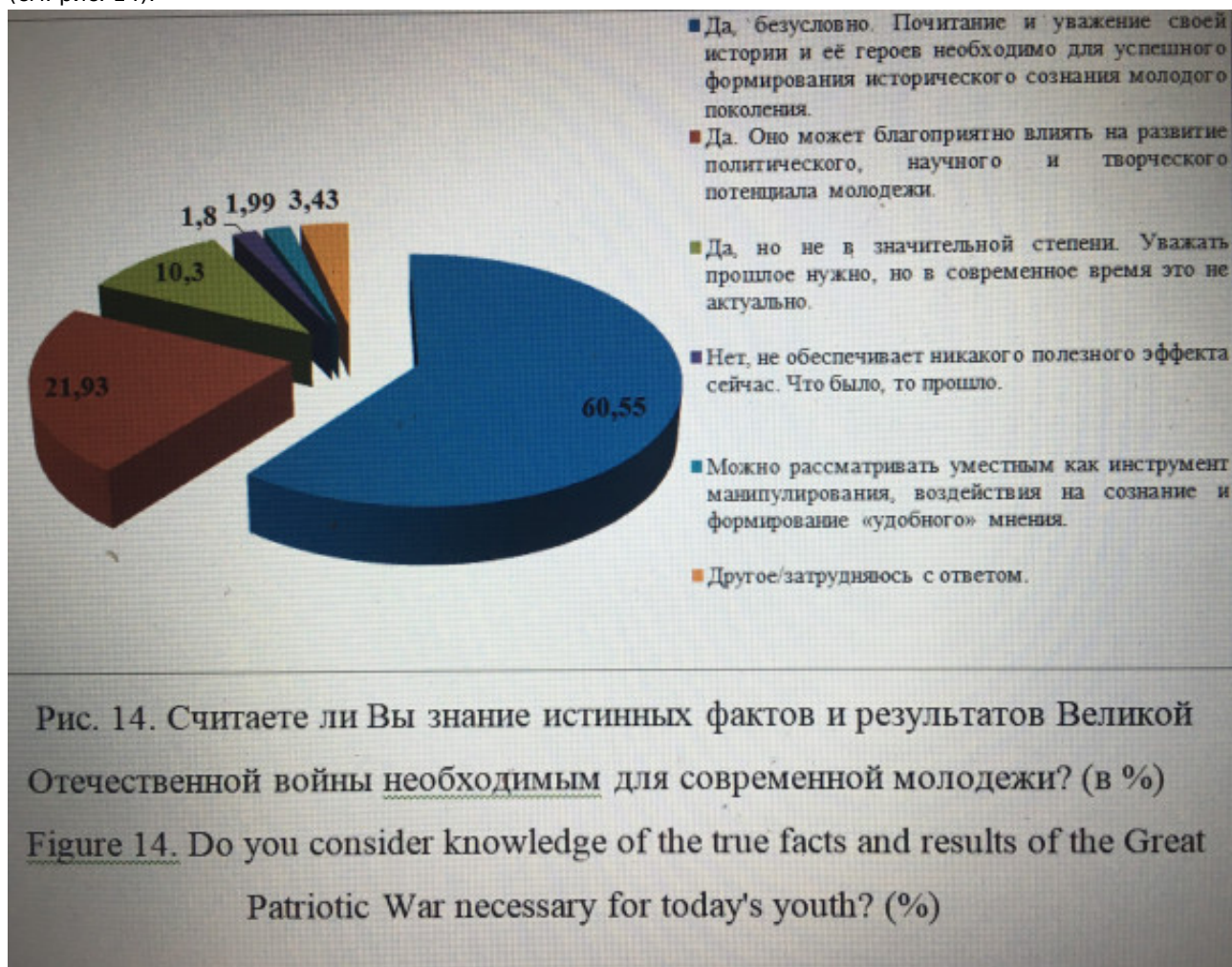
Естественным образом интерес к историческому событию появляется, преимущественно, на основе того знания о нем, которое получает современная молодежь, проходя обучение в образовательных учреждениях. В связи с этим в ходе проведения социологического исследования задавался вопрос о возможных проблемах преподавания истории Великой Отечественной войны (вопрос № 16). В целом видим, что в основном респонденты отмечали, что сталкиваются с проблемами изучения истории о событиях войны 1941-1945 годов (см. рис. 13).

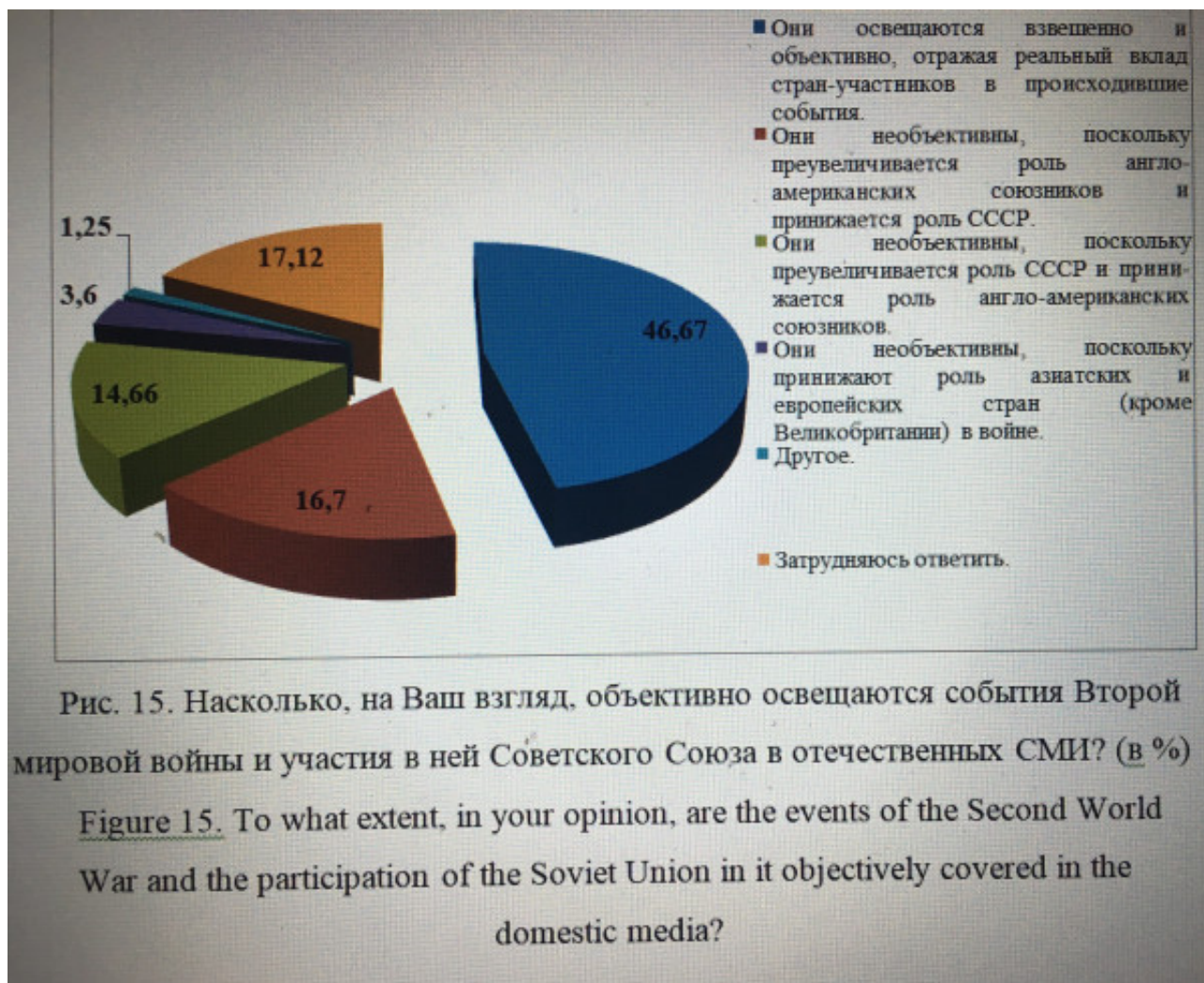
Почти каждый десятый опрошенный утверждал, что он вообще не получает знания о ВОВ в стенах того учебного заведения, где проходит обучение.

Злободневными выглядят результаты ответов в субъектах Российской Федерации, что позволяет выявить проблемы в системе образования, имеющее место в конкретном федеральном округе страны.

Так, самая неблагоприятная ситуация по получению информации о Великой Отечественной войне наблюдается в Уральском федеральном округе, где в Свердловской области каждый четвертый респондент, а в Челябинской – каждый пятый указывал на существующие проблемы в системе образования и то, что они почти не получают знаний о ВОВ в рамках учебного процесса. Таким образом, намечающийся процесс предания забвению системообразующих фактов истории государства крайне негативно воздействует на элементы исторической памяти в сознании современной молодежи. Вновь отметим, что появляется новый вид политического актора, действия которого в силу возраста могут носить деструктивный характер. Оставляет надежды, что в ближайшем будущем не произойдут столь страшные события, с какими столкнулась нация в период Великой Отечественной войны, лишь то, что по-прежнему современная молодежь считает, что истинное знание об итогах войны 1941-1945 годов необходимо для успешного формирования исторического сознания молодого поколения (вопрос № 12) (см. рис. 14).

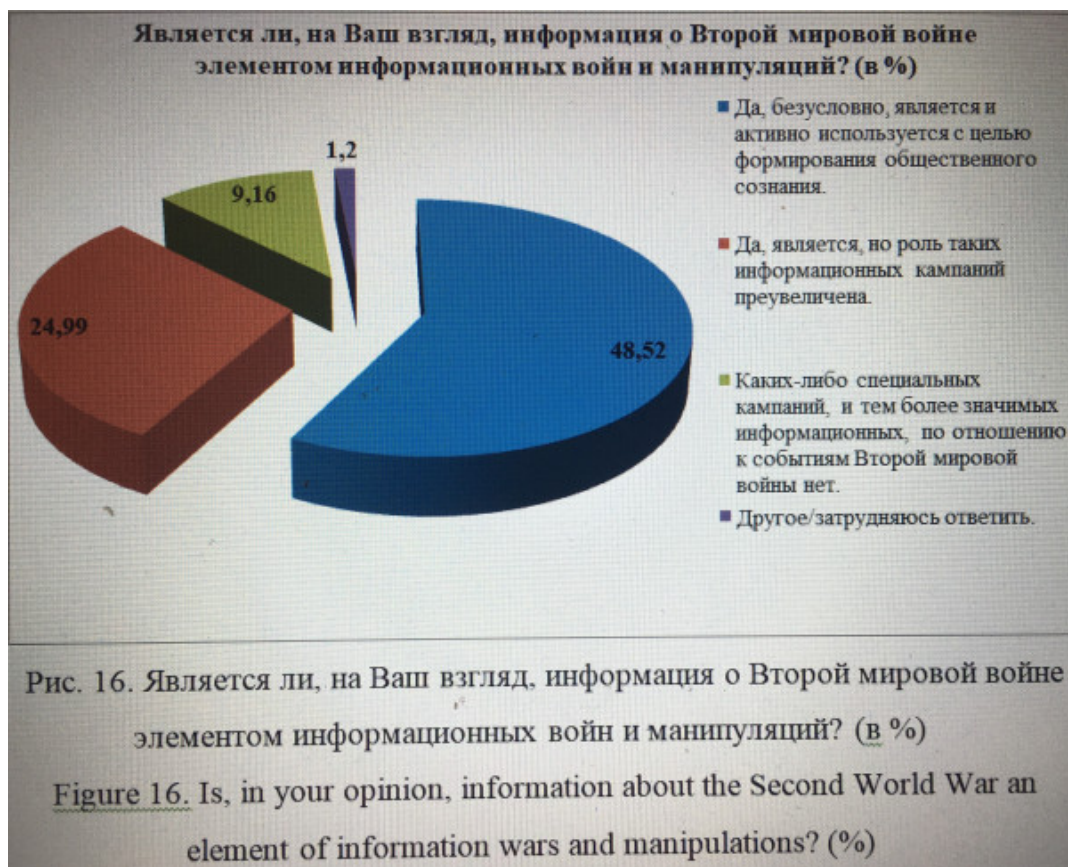

Исходя из полученных данных, можно видеть, что потребность в получении объективной информации о событиях и итогах Великой Отечественной войны пока наблюдается у современной молодежи. Но практически одинаковые доли респондентов полагают, что в отечественных СМИ события Второй мировой войны и участия в ней Советского Союза освещаются как объективно, так и необъективно (вопрос № 18). В среднем по стране в первом случае так отвечали 46,67 % респондентов, выявляли факт необъективности суммарно 34,96 % и затруднились с ответом 17,12 % (см. рис. 15).

Обращают на себя внимание ответы по данному вопросу в Уральском федеральном округе. Если по всем исследуемым субъектам Российской Федерации больше 40 % молодежи считают, что события той страшной войны отечественные СМИ освещают объективно, то в случае Свердловской области так отвечал только каждый десятый опрошенный [3: 105]. При этом 41 % респондентов региона полагает, что СМИ в России преувеличивают роль СССР и принижают роль англо-американских союзников [3: 105]. Здесь мы видим схожую тенденцию ценностной модификации в молодежной среде. Факт того, что по сравнению с другими регионами страны в Уральском федеральном округе достаточно большая доля опрошенных затруднилась с ответом об объективности СМИ, свидетельствует об уже выявленных проблемах образования в регионе в ответе на вопрос № 16 в социологическом исследовании.

Более того, современная молодежь в России полагает, что в стране осуществляется манипуляция массовым сознанием (вопрос № 19), когда речь ведется о Второй мировой войне (см. рис. 16).

Данное обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о том, что в государстве проводится политика по сохранению исторического знания о войне путем прямых и опосредованных источников информации, но, с другой – оценка факта манипуляции всегда происходит как что-то неприятное, когда человек не может самостоятельно контролировать получаемое знание. По замечанию С. Г. Кара-Мурзы, «причина в том, что манипуляция сознанием, производимая всегда скрытно, лишает индивидуума свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва манипуляции полностью утрачивает возможность рационального выбора, ибо ее желания программируются извне» [13: 33]. Исходя из этого, в силу возраста и человеческой природы, в сознании молодежи может происходить отторжение существующих оценок о событиях Великой Отечественной войны. Такое случается, когда человек не чувствует собственной причастности к получению знания о данном историческом факте, воспринимая информацию и оценки как навязанные извне и не являющиеся духовными потребностями личности. Поэтому для современной молодежи в России данная ценность, которая спланировала нацию на протяжении нескольких поколений, теряет былое значение.

Таким образом, современная молодежь в Российской Федерации сохраняет историческую память о Великой Отечественной войне на основе общероссийских тенденций. По-прежнему война 1941–1945 годов воспринимается как самое главное событие XX столетия, а ценности патриотизма ассоциируются с любовью к своей Родине. Вместе с тем, результаты исследования показывают, что в молодежной среде проявляются опасные, неутешительные для целостности государства, тенденции. Обращает на себя внимание изучение региональных случаев, которые оказывают воздействие в целом на ситуацию в стране и обнаруживают существующие социально-экономические и политические проблемы в федеральных округах страны.

В заключение следует отметить, что проведенный сравнительный анализ ответов респондентов среди молодежи в России по поводу их сформированного знания и восприятия итогов Великой Отечественной войны позволил выявить отражение как общероссийских тенденций в молодежной среде, так и отдельных случаев в конкретных субъектах Российской Федерации.

* Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России» (28–29 февраля 2020 г., г. Ростов-на-Дону).

(1) См. результаты опросов в Ставропольском крае и Республике Северной Осетии-Алании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 7 мая 2021 г. ВЦИОМ представляет данные опроса россиян о праздновании Дня Победы // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-kak-ego-otmetjat-v-rossii>.
2. ICM Research: жители Европы считают, что от фашизма их освободили американцы // Российский диалог. 28 апреля 2015 г. Режим доступа: https://www.rusdialog.ru/news/24687_1430229649.
3. Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России: Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28-29 февраля 2020 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 160 с.
4. Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28-29 февраля 2020 г., Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 352 с.
5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М: ЦСПИМ., 2010. 592 с.
6. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
7. Елишев С.О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 200-223.
8. Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М.: Канон+, 2015. 319 с.
9. Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42-51.
10. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. 166 с.
11. Как американцы Вторую мировую выиграли. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7YyDs8GUGtI>.
12. Какие праздники для Вас самые важные? Вы можете назвать от 1 до 3 праздников (закрытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных) // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-kak-ego-otmetjat-v-rossii>.
13. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Век XXI Текст: электронный ресурс. - Электрон. текст. дан. (0.8 МВ) (Москва : ООО "ЛитРес", 20150518163613.0) . - 1017909 зн. : 2 к. ; 882437 байт. - (Манипуляция сознанием (Эксмо)). - Загл. взято из текста. - ISBN 978-5-9905288-5-7. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipulation.pdf>.
14. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1987. 335 с.
15. Лисовский В.Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М.: Мысль, 1990. 302 с.
16. Мартыанов Д.С. Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 57-69.
17. Назаров О. Европейцы не знают своей истории // Историк: Журнал об актуальном прошлом. Режим доступа: <https://историк.рф/posts/2015/05/01/evropejtsy-ne-znayut-svoej-istorii.html>.
18. Опрос: жители стран-участниц Второй мировой не знают о роли СССР // РИА Новости. 28.04.2015. Режим доступа: <https://ria.ru/20150428/1061317600.html>.
19. Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М. : Политиздат, 1982. 303 с.
20. Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2005. № 4. С. 48-69.

REFERENCES

1. On May 7, 2021, VCIOM presents the data of a survey of Russians on the celebration of Victory Day // VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-kak-ego-otmetjat-v-rossii> (accessed 13.10.2022). (In Russ.)
2. Dodonov B.I. Emotion as value. Moscow: Politizdat, 1978. 272 p. (In Russ.)
3. Elishev S.O. Youth as an object of socialization and manipulation. Moscow: Canon+, 2015. 319 p. (In Russ.)
4. Elishev S.O. Youth problems and approaches to the definition of the concept of "youth" in sociology // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2017. Vol. 23. No. 3. Pp. 200-223. (In Russ.)
5. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow: Tsspim., 2010. 592 p. (In Russ.)
6. ICM Research: zhiteli Evropy schitaiut, chto ot fashizma ikh osvobodili amerikantsy (ICM Research: Europeans believe that the Americans liberated them from fascism) // Rossiiskii dialog. 28.04.2015. Available at: https://www.rusdialog.ru/news/24687_1430229649. (accessed 13.10.2022). (In Russ.)
7. How the Americans won the Second World War. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7YyDs8GUGtl>. (accessed 13.10.2022). (In Russ.)
8. What are the most important holidays for you? You can name from 1 to 3 holidays (closed question, up to three answers, in % of all respondents) // VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-kak-ego-otmetjat-v-rossii> (accessed 13.10.2022). (In Russ.)
9. Kara-Murza S. Manipulation of consciousness. Century XXI Text: electronic resource. - Electron. text.dan. (0.8 MB) (Moscow: LLC "LitRes", 20150518163613.0). - 1017909 zn.: 2 k.; 882437 bytes.- (Manipulation of consciousness (Eksmo)). - The title is taken from the text. - ISBN 978-5-9905288-5-7. Available at: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipulation.pdf>. (accessed 13.10.2022). (In Russ.)
10. Kon I.S. In search of self: Personality and its self-consciousness. Moscow: Politizdat, 1987. 335 p. (In Russ.)
11. Lisovskii V.T. Soviet students. Sociological essays. Moscow: Mysl, 1990. 302 p. (In Russ.)
12. Martianov D.S. Political consciousness, the political unconscious and the political psyche: revision of approaches to the structure and definition // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia. 2015. No. 3. Pp. 57-69. (In Russ.)
13. Nazarov O. Europeans don't know their history // Istorik: Zhurnal ob aktual'nom proshlom. Available at: <https://историк.рф/posts/2015/05/01/evropejtsy-ne-znayut-svoej-istorii.html> (accessed 13.10.2022) (In Russ.)
14. Poll: residents of the countries participating in the Second World War do not know about the role of the USSR // RIA Novosti. 28.04.2015. Available at: <https://ria.ru/20150428/1061317600.html> (accessed 13.10.2022) (In Russ.)
15. Rakitov A.I. Historical cognition: a system-epistemological approach. Moscow: Politizdat, 1982. 303 p. (In Russ.)
16. Shestopal E.B. Political socialization and resocialization in modern Russia // Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki «Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz». 2005. No. 4. Pp. 48-69. (In Russ.)
17. Perception of the results of the Great Patriotic War in the youth environment of modern Russia: Information and analytical materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on February 28-29, 2020. Rostov-on-Don: Publishing house of YURIU RANEPА, 2020. 160 p. (In Russ.)
18. Perception of the results of the Great Patriotic War in the youth environment of modern Russia: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on February 28-29, 2020. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2020. 352 p. (In Russ.)
19. Zubok Yu. A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. Youth and youth policy in modern Russian society. Moscow: ITD "PERSPEKTIVA", 2016. 166 p. (In Russ.)
20. Zubok Yu.A. Problems of social development of youth in conditions of risk // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2003. No. 4. Pp. 42-51. (In Russ.)

YOUNG PEOPLE' ATTITUDE TO THE GREAT PATRIOTIC WAR: A VIEW FROM RUSSIAN REGIONS

**ILYIN
Alexander**

*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign
History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, iljin63@mail.ru*

**ROZHNEVA
Svetlana**

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign
History,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, rozhneva@mail.ru*

Keywords:

Great Patriotic War
historical memory
young people
political consciousness
regions of Russia
sociological survey

Summary:

This paper analyzes the results of a questionnaire survey among university students and schoolchildren which was a part of the sociological research conducted between December 2019 and January 2020. The article presents a comparative analysis of the perception of the Great Patriotic War events and results by young people in Russian regions. It is taken into account that in our country the popular consciousness sees the results and consequences of the 1941-1945 military actions as one of the most important integrating values that supports the system of the state and contributes to national unity. With regard to the historical memory of the war, in order to identify the existing trends in the political consciousness of young people the paper studies the issues of education and upbringing associated with shaping individual attitude to the events of that time among citizens aged 18-30 years. The perception of such values as patriotism and national identity by young people is analyzed. The research also takes into account whether the studied group is sufficiently informed about the objectivity of the events that took place and the results of the war, as well as the factors affecting the mental imagery of modern youth. The study addresses the nationwide trends regarding knowledge about the Great Patriotic War that manifest themselves in the population's mass consciousness and how they are reflected in the youth environment. The authors consider individual cases in the ten subjects of Russia's five federal districts noting existing socio-economic and political problems in the regions. The comparative analysis leads to the conclusion about the transformation of the historical memory of the Great Patriotic War in the political consciousness of modern youth and identifies a number of dangerous trends connected with the revision of historical facts in the youth environment of the Russian Federation.

УДК 316.77

ПРОБЛЕМА АНОНИМНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ СРЕДЕ

**АНАНЬИНА
АНАСТАСИЯ
ВАЛЕРЬЕВНА**

*ст. преподаватель кафедры иностранных языков
гуманитарных направлений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт иностранных языков,
Петрозаводск, Российская Федерация,
ananyinastya@yahoo.com*

Ключевые слова:

цифровизация обучения
виртуальная учебная среда
анонимность
анонимизация
деанонимизация

Аннотация:

Статья посвящена одной из частных проблем, связанных с постепенным переходом к гибридной модели обучения в условиях пандемии коронавируса. Проблема заключается в том, что учащиеся, которые привыкли использовать интернет и другие цифровые инструменты для повседневного общения и развлечений, переносят свое стремление к сохранению анонимности в виртуальную учебную среду. Описывается эмпирическое диагностическое исследование, нацеленное на то, чтобы сопоставить декларируемое студентами отношение к анонимности в виртуальном пространстве с их реальными действиями в рамках частично цифровизированного учебного процесса. Делается вывод о том, что студенты, привыкшие использовать цифровые инструменты поиска информации и каналы взаимодействия, переносят свое стремление к сохранению анонимности в виртуальную учебную среду и видят в такой анонимности много преимуществ, но при этом декларируют невозможность применения принципа анонимности в обучении. Такое противоречие как минимум указывает на необходимость дальнейшего изучения этой проблемы с психологической, социальной, культурной и философской точек зрения.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 03 ноября 2022 года

Опубликована: 03 ноября 2022 года

Введение

В наше время виртуальные платформы для совместной работы, приложения для видеосвязи, чаты и другие онлайн-инструменты стали важной частью процесса обучения. Это особенно актуально в условиях перехода к гибридной модели вузовского обучения, которая объединяет в себе традиционные аудиторные занятия и дистанционный формат с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Дистанционное обучение имеет целый ряд преимуществ (экономия времени, возможность асинхронизации учебного процесса, скорость и удобство коммуникации и т. д.) и в то же время сопряжено с целым рядом проблем. Одна из проблем заключается в том, что учащиеся, которые привыкли использовать сеть Интернет и другие цифровые инструменты для повседневного общения и развлечений, переносят привычные им паттерны поведения в виртуальную учебную среду. Наибольший интерес в данном случае представляет стремление к анонимности – использование аватаров, псевдонимов (ников) и анонимизированных электронных адресов, создание фейковых страниц в

соцсетях и отказ от использования видеокамеры при работе с использованием онлайн-платформ типа Zoom. В данной статье предпринята попытка выявить отношение студентов Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (ИИПиСН ПетрГУ) к анонимности в виртуальном пространстве и оценить с этой точки зрения некоторые действия студентов, направленные на сохранение анонимности в процессе обучения с использованием ИКТ.

Подходы к изучению проблемы анонимности

Проблема анонимности в сети Интернет достаточно подробно исследована отечественными и зарубежными специалистами. С правовой точки зрения анонимность рассматривается как естественное явление в цифровом пространстве и неотъемлемое право пользователя, обеспечивающее, с одной стороны, его безопасность в интернет-пространстве, а с другой – свободу выражения своего мнения и требующее соответствующих эффективных механизмов реализации и правовой защиты [4, 5]. Авторы, рассматривающие эту проблему с социологической и социокультурной точки зрения [3, 10, 13], отмечают, что анонимность обладает высоким коммуникативным потенциалом и связывают возрастающую социальную ценность анонимности в современном мире с потребностью в безопасности и комфорте из-за увеличения «количества социальных ролей личности... и возрастания требований к индивиду» [3: 179]. Целый ряд работ философской направленности изучает антропологические и аксиологические аспекты анонимности, соотнося это понятие с такими категориями, как «личность» и «идентичность» [1, 2, 6, 7, 9]. В таких исследованиях особое внимание уделяется саморепрезентации личности в условиях «виртуализации бытия» [2], а сама анонимность рассматривается как инструмент достижения состояния максимальной внутренней свободы, ограниченной лишь нравственными принципами субъекта. Все авторы так или иначе отмечают дихотомическую природу исследуемого явления. Анонимность обеспечивает свободу выражения мнений и в то же время создает ощущение свободы от ответственности; стремление к анонимности может быть связано как с отторжением своей реальной идентичности, так и со стремлением к максимально полной саморепрезентации, которое проистекает из осознания ценности и многогранности своего «я»; анонимность в виртуальном пространстве одновременно вызывает у пользователей ощущение собственной значимости и приводит к «деиндивидуализации» участников онлайн-коммуникации [13]. Именно эта двойственность обуславливает ценность анонимности как предмета исследования и представляет особый интерес при изучении этого явления в контексте цифровизации обучения.

Участники исследования и методы

В описываемом эмпирическом диагностическом исследовании приняли участие 92 бакалавра ИИПиСН ПетрГУ, обучающихся по направлениям подготовки «Политология», «История международных отношений» и «Международные отношения», в возрасте от 18 до 25 лет. Для сбора данных применялось формализованное анкетирование с использованием вопросов открытого и закрытого типа. Участникам исследования предлагалось оценить свое отношение к анонимности в интернете и перечислить ее плюсы и минусы, оценить использование социальных сетей, мессенджеров и других цифровых каналов коммуникации в учебном процессе, выразить свое отношение к использованию псевдонимов (ников), аватаров и видеосвязи в условиях дистанционного и гибридного обучения, а также представить учебные ситуации, в которых соблюдение принципа личной анонимности студентов может быть возможным и/или полезным. После статистической обработки материалов анкетирования полученные данные сравнивались с результатами эмпирических наблюдений, сделанных автором статьи за три года дистанционного и гибридного обучения, переход к которому был осуществлен в ПетрГУ в 2020 году, после начала пандемии коронавируса.

Результаты

Примерно две трети опрошенных (60 %) отметили, что они положительно относятся к анонимности в сети Интернет, а 44 % указали, что они стремятся к сохранению личной анонимности в виртуальном пространстве в тех или иных ситуациях (включая заполнение анкет, участие в онлайн-играх, общение в чатах и на форумах, регистрацию в социальных сетях, размещение комментариев, публикацию отзывов о продуктах и услугах, а также поиск и извлечение необходимой информации). Подавляющее большинство респондентов (92 %) положительно оценили использование социальных сетей, мессенджеров и других цифровых каналов коммуникации в учебном процессе, указав, что эти инструменты являются «привычными», «удобными» или «эффективными» и «значительно упрощают» взаимодействие студентов и преподавателей. Отвечая на вопрос о

необходимости соблюдения личной анонимности студентов в тех или иных учебных ситуациях, 38 % респондентов указали преимущества такого подхода, пояснив, что это поможет устранить «предвзятость преподавателей по отношению к учащимся», повысит уровень объективности или «справедливости» при оценивании работ, снизит стресс у студентов по поводу учебы, «общественного мнения» или «осуждения со стороны преподавателя», поможет чувствовать себя увереннее и не «корить себя за каждую ошибку», создаст у студентов ощущение «уважения к их личности», сделает процесс обучения «более комфортным» и обеспечит «конфиденциальность личных учебных данных».

При этом 32 % опрошенных не видят необходимости в соблюдении принципа личной анонимности студентов в отдельных учебных ситуациях, в том числе при проведении экзаменов, зачетов, контрольных работ и при проверке домашнего задания, а большая часть участников исследования отрицательно относятся к использованию ников и аватаров в учебном процессе (82 % и 64 % соответственно). С другой стороны, только 14 % респондентов сообщили, что включают видеокамеру при проведении дистанционных занятий с использованием технологий конференц-связи, 42 % студентов делают это от случая к случаю, 28 % обычно не используют камеру, а 16 % не делают этого никогда (следует отметить, что только пять человек – 10 % – объяснили свое нежелание или невозможность включать видеосвязь техническими причинами).

Полученные ответы в некоторой степени противоречат результатам эмпирических наблюдений автора статьи за период, начиная с февраля 2020 года, когда студенты ПетрГУ обучались в дистанционном и смешанном очно-дистанционном формате (численность выборки для наблюдений составила 92 студента ИИПиСН – те же самые студенты приняли участие в описанном выше анкетировании). На протяжении всего периода дистанционного обучения лишь около 15 % обучающихся включали видеокамеру во время дистанционных занятий с использованием технологий конференц-связи, остальные студенты не делали этого даже после напоминания, просьбы или распоряжения преподавателя, чаще всего объясняя это техническими проблемами. Как уже было указано выше, в ходе анкетирования 64 % респондентов выразили отрицательное отношение к использованию аватаров в учебном процессе, однако после начала дистанционных занятий в феврале 2020 года потребовалось около трех недель для того, чтобы все студенты, не использующие видеокамеры, во время онлайн-семинаров начали использовать фотографии, по которым можно было достаточно быстро и легко идентифицировать их личность – до этого в качестве аватаров использовались изображения, не имеющие непосредственного отношения к пользователю, или так называемые «черные квадраты». При этом около 36 % из 92 студентов, с которыми автор статьи общается непосредственно с помощью социальной сети «ВКонтакте», используют аватары, не позволяющие идентифицировать их личность (этот результат соотносится с показателем, полученным в ходе анкетирования). Лишь 8 % опрошенных указали, что используют ники в учебном процессе, однако адреса, которые студенты используют для взаимодействия с преподавателями, только в 50 % случаев содержат комбинации букв и символов, по которым с той или иной степенью легкости можно установить личность пользователя.

Сопоставление результатов анкетирования и эмпирических наблюдений в ходе практических учебных занятий позволяет с определенной долей осторожности обобщить полученные данные следующим образом:

- Подавляющее большинство студентов (92 %) положительно или очень положительно оценивает цифровизацию учебного процесса и внедрение в этот процесс тех цифровых, мобильных и онлайн-инструментов, которыми обучающиеся уже давно привыкли пользоваться в повседневной жизни. При этом не происходит переноса отношения к анонимности в виртуальной (цифровой) среде: число тех, кто положительно относится к этому явлению или стремится к сохранению личной анонимности вне учебы, превышает число тех, кто высказывает аналогичную точку зрения, когда речь заходит об университетских занятиях (60 % по сравнению с 38 % и 44 % по сравнению с 26 % соответственно).
- Декларируемое на словах отношение к мерам по анонимизации в онлайн-среде расходится с тем, что мы наблюдаем в учебной практике: реальное число студентов, которые целенаправленно отказываются от использования видеокамеры во время дистанционных занятий и используют затрудняющие их идентификацию аватары и/или адреса электронной почты, превышает аналогичные показатели, полученные в ходе анкетирования.
- Студенты в целом очень положительно относятся к анонимности в интернете, многие стремятся к ее сохранению в повседневной жизни, однако только 26 % респондентов считают, что такой подход нужно переносить и в учебную среду. При том, что более трети респондентов (38 %)

приводят вполне разумные и обоснованные доводы в пользу анонимности в учебном процессе, только 14 % смогли привести конкретные примеры учебных ситуаций, в которых студенты могут оставаться анонимными (проведение различных опросов, проверка контрольных работ, объявление результатов).

Выводы

Виртуализация вузовского образования приводит к тому, что студенты, которые относятся к «цифровому поколению» и используют для получения информации и взаимодействия с окружающим миром преимущественно цифровые каналы, переносят свое стремление к сохранению анонимности в учебную среду. При этом они декларируют невозможность применения принципа анонимности в обучении, несмотря на то, что видят в нем много преимуществ для себя. Такое «расхождение слов с делом» может отражать дихотомическую природу такого явления как онлайн-анонимность: с одной стороны, пользователь стремится к сохранению анонимности для представления своей подлинной идентичности в виртуальном пространстве, а с другой – формирует вторичную виртуальную идентичность для обеспечения безопасности или избегания контактов. Еще одним объяснением может быть то, что студенты стремятся разграничить учебу (где важную роль играют прозрачность, контроль и подотчетность) и личную жизнь (где первостепенную важность приобретают личная безопасность, комфорт, свобода слова, действий и самовыражения), но при этом совершают давно привычные им действия по анонимизации при использовании цифровых инструментов в учебных целях.

Некоторые работы зарубежных авторов [8, 11, 12] указывают на то, что анонимизация обладает значительным дидактическим потенциалом: сохранение анонимности положительно влияет на вовлеченность студентов в учебное взаимодействие и повышение их учебной мотивации. Представляется необходимым более тщательно изучить эту проблему применительно к российским реалиям, чтобы выбрать единый подход: четко разграничить учебное и личное виртуальное пространство и обеспечить максимальную деанонимизацию учащихся или найти возможности для частичного обеспечения анонимности студентов в целях создания более комфортных, справедливых и безопасных условий обучения.

Список литературы

1. Алексеева К.А. Анонимность и ее влияние на самопрезентацию личности в виртуальной реальности // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2019. – № 5. – DOI: 10.24158/spp.2019.5.5
2. Богомолова И.Е. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия // *Южно-российский журнал социальных наук*. – 2014. – № 2. – С. 104-120.
3. Данилкина Т.В. Антропологические и аксиологические аспекты анонимности коммуникации // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2021. – № 2. – С. 176-188.
4. Кузнецова С.С. Право на анонимность в сети интернет: актуальные вопросы реализации и защиты // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2020. – № 5(119). – С. 33-41.
5. Радайкин М.Ф. Кратко о проблеме анонимности в сети Интернет // *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*. – 2013. – № 2. – С. 25-28.
6. Сивачев О.В. Дилемма анонимности и публичности в современном мире // *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. – 2019. – № 2(8). – С. 55-61.
7. Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // *Образование и наука*. – 2018. – № 5. – С. 105-124.
8. Blayne P., Freeman M., Ginns P. Anonymity and in class learning: The case for electronic response systems // *Australasian Journal of Educational Technology*. – 2006. – № 22(4). – P. 568-580. DOI: 10.14742/ajet.1286
9. Bodle R. The ethics of online anonymity or Zuckerberg vs. “Moot” // *Computers and Society*. – 2013. – № 43(1). – P. 22-35.
10. Eklund L., von Essen E., Jonsson F., Johansson M. Beyond a dichotomous understanding of online anonymity: Bridging the macro and micro level // *Sociological Research Online*. – 2022. – № 27(2). – P. 486-503. – DOI: org/10.1177/13607804211019760
11. Chen Ch. Using anonymity in online interactive EFL learning: International students’ perceptions and practices // *International Journal of Education and Development using ICT*. – 2019. – № 15(1). – URL:

<https://www.learntechlib.org/p/209745/> (дата обращения 20.10.2022).

12. Cromlish A. Anonymous online learning in Korea and integrating anonymous learning elements // Research anthology on developing effective online learning courses. – IGI Global, 2020. – P. 984-1000. – DOI: 10.4018/978-1-7998-8047-9.ch048

13. Reicher S.D., Spears R., Postmes T. A social identity model of deindividuation phenomena // European Review of Social Psychology. – 1995. – № 6(1). – P. 161-198.

References

1. Alekseeva K.A. Anonymity and its impact on the self-presentation of personality in virtual reality. Society: Sociology, Psychology, Education. 2019. No 5. DOI: 10.24158/spp.2019.5.5 (In. Russ.)

2. Bogomolova I.E. Personal identity at virtualization of being. South-Russian Journal of Social Sciences. 2014. No 2. P. 104-120. (In. Russ.)

3. Danilkina T.V. Anthropological and axiological aspects of anonymity communication. Izvestiya Tula State University. 2021. No 2. P. 176-188. (In. Russ.)

4. Kuznetsova S.S. the right to anonymity on the internet: current issues of implementation and protection. Russian Law: Education, Practice, Science. 2020. No 5(119). P. 33-41. (In. Russ.)

5. Radaykin M.F. Briefly about the problem of anonymity in the Internet. Gaps in Russian Legislation. 2013. No 2. P. 25-28. (In. Russ.)

6. Sivachev O.V. The dilemma of anonymity and publicity in the modern world. Abyss (Studies in Philosophy, Political science and Social anthropology). 2019. No 2(8). P. 55-61. (In. Russ.)

7. Soldatova E.L., Pogorelov D.N. The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. Education and Science. 2018. No 5. P. 105-124. (In. Russ.)

8. Blayney P., Freeman M., Ginns P. Anonymity and in class learning: The case for electronic response systems // Australasian Journal of Educational Technology. – 2006. – № 22(4). – P. 568-580. DOI: 10.14742/ajet.1286

9. Bodle R. The ethics of online anonymity or Zuckerberg vs. “Moot”. Computers and Society. 2013. № 43(1). P. 22-35.

10. Eklund L., von Essen E., Jonsson F., Johansson M. Beyond a dichotomous understanding of online anonymity: Bridging the macro and micro level // Sociological Research Online. – 2022. – № 27(2). – P. 486-503. – DOI: org/10.1177/13607804211019760

11. Chen Ch. Using anonymity in online interactive EFL learning: International students’ perceptions and practices // International Journal of Education and Development using ICT. – 2019. – № 15(1). – URL: <https://www.learntechlib.org/p/209745/> (дата обращения 20.10.2022).

12. Cromlish A. Anonymous online learning in Korea and integrating anonymous learning elements // Research anthology on developing effective online learning courses. – IGI Global, 2020. – P. 984-1000. – DOI: 10.4018/978-1-7998-8047-9.ch048

13. Reicher S.D., Spears R., Postmes T. A social identity model of deindividuation phenomena. European Review of Social Psychology. 1995. No 6(1). P. 161-198.

ANONIMITY OF LEARNERS IN VIRTUAL LEARNING ENVIRONMENT

**ANANYINA
Anastasia**

*Senior Teacher,
Petrozavodsk State University, Unstitute of Foreign
Languages,
Petrozavodsk, Russian Federation,
ananyinastya@yahoo.com*

Keywords:

digitalized education
virtual learning environment
anonymity
anonymization
de-anonymization

Summary:

This article focuses on one of the particular problems associated with the gradual transition to a hybrid model of learning in the context of the coronavirus pandemic, which is that students, who regularly use the Internet and other digital tools for everyday communication and entertainment, transfer their desire to remain anonymous to the virtual learning environment. The described empirical diagnostic study aims to compare students' declared attitudes towards anonymity in virtual space with their actual actions in a partially digitized learning environment. It finds that students accustomed to digital inquiry tools and interaction channels transfer their desire for anonymity to the virtual learning environment and see many benefits in such anonymity, but state that it is impossible to apply the principle of anonymity to their learning processes. This contradiction points to the need for further research into this issue from psychological, social, cultural and philosophical perspectives.